

Л1
К12

Кабисов Р.С.

К вопросу об оценке творчества А.Н. Толстого В.И. Лениным и Г.В. Плехановым // Ученые записки Юго-Осетинского гос. пед. ин-та. Т. XIII. Серия гуманитарных наук. — Цхинвали, 1967. — С. 3-78с.

Ученые записки Волго-Окского государственного педагогического института
Том XIII
серия гуманитарных наук
издана 1967 г.

Дачу Пелкаева
— с благодарностью
29/1.701.
Р. Кабисов

Р. С. Кабисов,
доц., канд. философ. наук.

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ТВОРЧЕСТВА Л. Н. ТОЛСТОГО В. И. ЛЕНИНЫМ И Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ

Лев Николаевич Толстой по праву занимает одно из почетнейших мест в списке выдающихся деятелей мировой науки и искусства. Перед художественными творениями Толстого даже всемогущее время становится бессильным. Его произведения навсегда вошли в золотой фонд мировой литературы и искусства. Толстой неповторим как по своим дарованиям, так и по способности совмещения в рамках единого действительно «кричащих противоречий» и привлечения к себе внимания различных классов, слоев и прослоек людей.

При жизни великого писателя в его адрес поступали сотнями письма от представителей самых различных слоев населения всего мира. К нему приходили люди и проводили целые сутки около яснополянской усадьбы. Они стояли и ждали терпеливо тех счастливых минут, когда им удастся, наконец, взглянуть на великого человека. И так проходили дни, но течение времени не только не сокращало, а, напротив, увеличивало число посетителей Ясной Поляны. После же смерти Толстого место его погребения становится чуть ли не «священным местом», местом паломничества для многочисленных его поклонников.

Встает вопрос — чем завоевал такое всеобщее внимание Толстой? Разве только одним художественным талантом?

Анализ воззрений почитателей литературного наследия великого писателя русской земли свидетельствует о том, что привлечением к себе такого всеобщего внимания Толстой обязан как своему художественному гению, так и своим попыткам сделать

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
Д 1930РК - 2403/5

Дача Пелкаева 3
463152-01Т
(Инв. Кн. № 2)

ся учителем жизни, противоречивому характеру всего своего творчества. Толстой привлекал к себе внимание людей не с каких-либо одних позиций, а с совершенно различных точек зрения. Выступив в период великих брожений общественных сил, вызванных к жизни необходимостью отмены крепостного права и перемещением центра революционного движения в Россию, Толстой, как истинно выдающийся художник, в своей более чем полувековой плодотворной творческой деятельности в большей или меньшей мере отразил мысли, чувства и настроения почти всех слов общества. Иначе говоря, Толстой, (правда, в одном отношении в большей, в другом — меньшей степени) смог охватить почти все основные вопросы, поднятые внутренними и внешними противоречиями общественной жизни России периода с 50-х годов XIX столетия до первой русской революции включительно.

Одних в Толстом привлекал художественный талант великого писателя, других — его философские рассуждения, третьих — и то и другое полностью, четвертых — также и то и другое, но уже не полностью, а частично. Одни в Толстом ценили его умение срывать все и всякие маски с людей, его острую критику существующих форм общественной жизни; другие — его учение о нравственном самоусовершенствовании. Именно это обстоятельство и привело к тому, что к концу жизни писателя и, в особенности, после смерти его, о нем заговорили представители почти всех слоев общества. Понятно, что о Толстом высказались и такие выдающиеся представители русского и международного рабочего движения, как В. И. Ленин и Г. В. Плеханов.

II

«Самое надежное в вопросе общественной науки, — указывал В. И. Ленин, — ...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории проходило, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь».¹

Если взглянуть, исходя из этих методологических указаний великого Ленина, на проблему анализа и изучения соотношений позиций В. И. Ленина и Г. В. Плеханова относительно оценки творческого наследия Толстого, то все имеющиеся в нашей исто-

рико-критической литературе мысли и соображения по этому вопросу можно сгруппировать вокруг следующих трех главных направлений.

Первое направление — это точка зрения тех авторов работ об эстетике Плеханова, которые, считая своего героя абсолютно непогрешимым в области теории, выдавали его за единственный авторитет и создателя марксистской эстетической науки. Сущность этого направления, как нам кажется, наиболее полно, ясно и откровенно высказана в нашей литературе А. Я. Андрузским в словах: «Плеханов был, пользуясь выражением персидского поэта, поистине «водолазом в море диалектических истин». Поэтому, я позволю себе думать, что мы должны перестать «дополнять и исправлять» плехановскую теорию искусства, а приступить к серьезному, глубокому и всестороннему изучению ее».¹ Понятно, что эти исследователи именно в таком же духе расценили и статьи Плеханова о Толстом. Слов нет, что эти люди одной уже постановкой вопроса в таком плане, не говоря о самих результатах исследования, причиняли огромный вред советской эстетической и литературоведческой наукам. Они прямо или косвенно мешали развитию нашей эстетической и литературоведческой науки хотя бы тем, что неправомерно превозносили и преувеличивали заслуги Плеханова и принижали роль и значение ленинских работ как в деле создания марксистской эстетической науки вообще, так и в области оценки и определения творческого наследия Толстого — в частности.

Это направление было доминирующим примерно до начала 30-х годов. Именно в эти годы во весь рост встал вопрос о необходимости активной борьбы против меньшевистствующего идеализма, и в связи с этим анализ рассматриваемой здесь проблемы коренным образом меняет свой характер.

Исследователи, которые еще при господстве охарактеризованного выше направления поднимали свой голос против него, теперь занимают место «государственного обвинителя» и начинают поносить всю своих противников и Плеханова. В противоположность первым, вторые начинают доказывать неопенимо великие заслуги В. И. Ленина в создании марксистской эстетической науки вообще и оценки творческого наследия Толстого, в частности. В то же время они и кстати, и не кстати начинают противопоставлять В. И. Ленина Плеханову. К этому второму направлению могут быть отнесены почти все исследователи, которые принимали активное участие в борьбе с меньшевистствующим идеализмом.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436.

¹ А. Я. Андрузский. «Эстетика Плеханова» (Основные вопросы марксистской социологии искусства). М. 1929, стр. 190. Подобную точку зрения разделяли и др., в частности И. Аксельрод — «Плеханов об искусстве».

Тенденцию противопоставления В. И. Ленина Плеханову так же ясно, полно и откровенно как в свое время А. Андруцкий, выразил М. М. Розенталь. В своей книге «Вопросы эстетики Плеханова» М. Розенталь, вырывая отдельные места из работ В. И. Ленина и Плеханова, начинает доказывать полную противоположность ленинских и плехановских позиций как по вопросам общей эстетики в целом, так и по вопросам анализа и оценки творчества Толстого, в частности.

При этом, по вопросу подхода Ленина и Плеханова к Толстому М. Розенталь противопоставляет их друг другу не только по отдельным и частным, а почти по всем вопросам. С первой и до последней строчки книги М. Розенталь стремится доказать именно эту противоположность.

Чтобы не приводить выдержки из книги М. Розенталя по каждому частному вопросу, укажем лишь некоторые общие места, недвусмысленно показывающие позицию автора. Вот они: на стр. 144 М. Розенталь пишет: «Различие в подходе и анализе творчества и учения Толстого у Ленина и Плеханова нашло свое выражение и в той **общей оценке** (курсив М. Розенталя), которую они дали Толстому.

В этой оценке особенно ярко видны гигантская сила ленинского анализа, ленинских критериев оценки и слабость плехановской эстетической теории»¹.

О своем несогласии с подобным противопоставлением В. И. Ленина Плеханову по данному вопросу мы будем говорить ниже, и потому, во избежание повторений, пока оставим позицию М. Розенталя и его единомышленников и скажем коротко о точке зрения третьей группы исследователей Г. В. Плеханова.

Сторонники этой точки зрения поняли односторонность позиции и первой и второй группы исследователей Плеханова и попытались преодолеть их недостатки. И вот, если говорить о конечных результатах этого хорошего замысла, то следует констатировать, что, несмотря на определенные сдвиги в этом направлении, вопрос еще далек от своего удовлетворительного решения. Больше того, у многих исследователей этого вопроса попытка преодоления вышеотмеченных односторонностей по сей день носит внешний, формальный характер. По существу же они все еще продолжают односторонне противопоставлять В. И. Ленина Плеханову как по вопросам общей эстетики, так и по вопросам оценки творческого наследия Толстого. Так, следуя за М. М. Розенталем, или как бы возрождая его концепцию противопоставления В. И. Ленина Пле-

¹ М. М. Розенталь. «Вопросы эстетики Плеханова». Госполитиздат, М., 1939, стр. 144.

ханову по Толстому, Н. Р. Верхось пишет: «Плеханов не смог разобратся в противоречиях Толстого, вместо этого он сам стал противоречивым и непоследовательным в своих рассуждениях. Разобрав несколько публицистических статей Толстого, Плеханов противопоставил учение Толстого его художественному творчеству без серьезного анализа хотя бы одного из его художественных произведений. И, таким образом, Плеханов в понимании Толстого вступил в полное противоречие с Лениным»¹.

Мы убеждены и ниже попытаемся доказать, что в действительности дело обстоит далеко не так, как его рисует здесь Н. Верхось.

Следует отметить, что в нашей литературе официально или неофициально установлена традиция оценивать работы, касающиеся Плеханова, тем выше, чем больше в них, под видом критики, поносят и ругают его. И в самом деле, ведь редко мы можем найти более или менее серьезную работу по философии, где бы не вспоминали Плеханова именно в качестве объекта критики. Почувствовав это, многие исследователи вместо настоящего анализа и объяснения работ Плеханова стараются находить «уязвимые» места в них и бить по ним. Иначе нельзя объяснить тот факт, что многие исследователи, вместо настоящего анализа сущности высказанных Плехановым в том или ином труде мыслей, или произвольно вырывают отдельные места (вне связи их с общим контекстом и вне учета времени и места) и поносят их, или же кричат о том, что там у Плеханова не сказано того-то и того-то, или сказано недостаточно, или, наконец, сказано не так, как у В. И. Ленина. Образцом подобного рода критики Плеханова, если это можно назвать критикой, может служить вышеназванная работа Н. Р. Верхось «Плеханов о Льве Толстом». Применительно к вопросу анализа оценки творчества Толстого Плехановым отмеченный здесь метод исследования привел и не мог не привести к выводу о том, что «критик (речь идет о Плеханове — Р. К.) оказался бесильным научно объяснить литературное наследие великого писателя», что он только обнаружил некоторые противоречия у Толстого, и то, во-первых, не всегда удачно и правильно,² и, во-вторых, даже там, где он обнаруживал противоречия и правильно, он не смог вскрыть, вызвавшие их причины, не смог вскрыть их корни и «поэтому оценка им Толстого... в целом была ошибочной»³.

¹ Н. Р. Верхось. «Плеханов о Толстом», труды Сталинградского госпединститута, 1957 г., т. IV, стр. 89—90.

² См. Труды Сталинградского госпединститута, тт. IV, VI (1957 и 1958 гг.).

³ См. Бычков. «Предисловие к сборнику: «Л. Н. Толстой в русской критике», М., 1952 г., стр. 47—48.

Нам думается, что ошибочной была не оценка Толстого Плехановым, а оценка, данная нашими критиками Плеханову.

Доискиваясь до причин, «допущенных», по мнению критиков, Плехановым «ошибок», они считают, что «пороки статей Плеханова о Толстом коренятся в его отступлениях от диалектики, в его меньшевистских взглядах на природу революции 1905 года и ее движущие силы».¹

Все сказанное выше в адрес критиков Плеханова абсолютно не означает какую-либо попытку стирания и отрицания всего того, что было сделано положительного в вопросе выяснения действительной роли Плеханова по анализируемому здесь вопросу нашими критиками. Ибо бесспорно как то, что немало сделано советскими исследователями, в том числе и критикуемыми здесь авторами по данному вопросу, что они многие стороны анализируемого вопроса решили, с нашей точки зрения, совершенно правильно, так и то, что будут содержаться определенные недостатки и спорные положения и в самой этой работе.

Поскольку же в нашей эстетической и историко-критической литературе по анализируемому здесь вопросу В. И. Ленин нашел в большей мере свое место, чем Плеханов, то отсюда, по требованию самой логики вещей, нам придется говорить больше о Плеханове, нежели о В. И. Ленине. О Ленине мы будем говорить только в той связи, в какой будет считаться необходимым для определения настоящего места Плеханова. Понятно, что все это несколько не будет означать какую-либо попытку превознесения Плеханова за счет В. И. Ленина.

III.

Итак, в советской историко-критической литературе, посвященной проблеме оценки творчества Толстого, совершенно справедливо и законно установлено основополагающее значение ленинских работ о Толстом. Советская эстетическая и литературоведческая науки совершенно резонно и правомерно указывают на тот факт, что в сложном лабиринте творческого наследия великого Толстого, полного кричащих противоречий, именно ленинские работы служат путеводной звездой. Все это совершенно правильно и со всем этим мы согласны.

Но, соглашаясь с этим, мы также совершенно естественно ставим вопрос: а какое, в таком случае, имеют значение работы Плеханова о Толстом? Какую функцию они выполняют? Какая роль им принадлежит? Чем они могут служить? Действительно ли присущи плехановским работам о Толстом все те недостатки и пороки, которые приписываются им, или нет? И на самом ли деле

¹ См. Бычков. Предисловие к сборнику «Л. Н. Толстой в русской критике», М., 1952, стр. 47—48.

воззрения Ленина противоречат воззрениям Плеханова относительно Толстого, пусть даже в оценке писателя в целом?

Нам думается, что нет, но чтобы доказать это, необходимо прежде всего доказать несостоятельность тех исходных принципов и положений, опираясь на которые, критики доказывают эту несовместимость воззрений Плеханова с воззрениями В. И. Ленина.

Эти исходные принципы и положения для всех критиков Плеханова являются одними и теми же и заключаются, главным образом, «в отступлениях Плеханова от диалектики», «в его меньшевистских взглядах на природу революции 1905 г.», «в его непонимании роли крестьянства в революции», «в его преувеличении роли либеральной буржуазии в буржуазно-демократической революции» и т. д. При этом, ход рассуждений критиков Плеханова в данном случае таков: должно быть, существует прямая зависимость между социально-политическими и философско-теоретическими воззрениями мыслителя. В. И. Ленин был и остается до конца жизни выдающимся марксистом-большевиком; Плеханов — человек, который в 1903 году отходит от большевиков-ленинцев и доживает свой век, так и не поняв сущности всех трех революций. А поскольку его работы о Толстом относятся именно к этому периоду, а точнее, к периоду с 1907 по 1911 гг. и, больше того, он в этих работах еще и говорит не то, что Ленин в своих, то, мол, отсюда и естественно и логично расхождение большевика Ленина с меньшевиком Плехановым. Такое противопоставление тем более кажется естественным критикам Плеханова, что, с одной стороны, Толстой, как великий художник, в своем творчестве рельефно отразил и сильные и слабые стороны той, первой русской революции, сущность которой так и не понял Плеханов. Следовательно, он не мог понять и сущности творчества художника. С другой стороны, к анализу и оценке творчества этого художника и Ленин, и Плеханов должны были подходить и подходили именно с точки зрения анализа классовых интересов пролетариата.

Взяв за исходные и основополагающие нормы и принципы своей критики эти рассуждения, исследователи плехановских работ о Толстом начинают обнаруживать то, что мог бы еще сказать, но не сказал Плеханов, или сказал, да не так, как В. И. Ленин, и все, что не вмещается в рамки таким образом заранее сконструированной ими схемы, объявляют недостатком и ошибкой.

Чтобы определить место, роль и значение плехановских работ о Толстом, необходимо предварительно решить несколько других общих вопросов, которые должны будут способствовать успешному решению главной нашей задачи.

К такого рода вопросам относятся: взаимоотношения Ленина и Плеханова вообще и в момент написания ими работ о Толстом, в частности; социально-практические и теоретические истоки и пред-

посылки творчества Толстого; подход Ленина и Плеханова к творчеству Толстого; оценка творчества Толстого Лениным и Плехановым и их борьба за литературное наследие великого художника.

Решение поставленной перед собою задачи мы начинаем с анализа вопроса о взаимоотношениях Ленина и Плеханова вообще и в период с 1907 по 1911 г.г. в частности, когда появляются работы Ленина и Плеханова о Толстом.

IV.

Георгий Валентинович Плеханов относится к числу выдающихся деятелей русского и международного рабочего движения. Выступив на арену общественно-политической жизни в 70-х годах XIX столетия, Плеханов всю свою сознательную жизнь посвятил делу служения народу, делу его освобождения от экономического, политического и культурного неравенства. И надо подчеркнуть, что в избранном им великом, благородном и почетном деле Плеханов, несмотря на частные отклонения и временные отступления от революционного марксизма, имеет большие заслуги. «Его (Плеханова—Р. К.) личные заслуги, — писал В. И. Ленин, — громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903 г.г., он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников».¹ Такую высокую оценку Ленина Плеханов завоевал своим трудом, своими делами. Он вошел в историю освободительного движения, в историю науки и культуры как выдающийся мыслитель-марксист, разносторонне образованный человек, глубокий теоретик и первый талантливый пропагандист научного социализма в России. Перу Плеханова принадлежат многочисленные труды по истории революционного движения и общественно-политической мысли, по вопросам стратегии и тактики революционного движения пролетариата, по вопросам истории и теории религии и морали, философии и политической мысли. Но особо важные заслуги имеет Плеханов в области марксистской философии, истории и теории литературы и искусства. Правда, работы Плеханова и в этом аспекте не одинаково ценны и безупречны с точки зрения марксизма, но что они свидетельствуют об огромной эрудиции, большом таланте мысли и блестящих публицистических способностях их автора — это не вызывает никаких сомнений. Эти работы Плеханова составили значительный вклад в мировую общечеловеческую культуру. Плеханов внес немало славных страниц в летопись борьбы за научное, диалектико-материалистическое, марксистское мировоззрение. И именно поэтому и после смерти Плеханова В. И. Ленин с полным основанием заявляет, что

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 333.

«нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать все, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма».¹

Эти замечательные слова Ленина, высказанные по поводу философских сочинений Плеханова, в полной мере и во всем объеме применимы и к его произведениям по вопросам истории и теории, эстетики и критики, литературы и искусства. Больше того, нам кажется, что не будет отступлением от истины сказать, что ни в одной области теории не сделано Плехановым столько, сколько он сделал в области разработки марксистской теории искусства и эстетики, что именно здесь ему принадлежит особо почетное место.²

Выше мы привели ту высокую оценку, которую дал В. И. Ленин творческой деятельности Плеханова в целом. Но данная Лениным общая положительная характеристика теоретической и практической деятельности Плеханова абсолютно не исключает размолвок, несогласий и противоречий между Лениным и Плехановым по вопросам теории и тактики мирового коммунистического движения вообще и революционного движения русского пролетариата, в особенности.

Размолвки, несогласия и противоречия между Лениным и Плехановым, как это впоследствии было доказано самим ходом истории, как правило, вызывались недояснением и непониманием специфики закономерностей империалистической стадии развития капитализма Плехановым. Плеханов нередко подчеркивал и требовал творческого подхода к марксизму, его творческого применения к изменившимся условиям и обстоятельствам, но это требование и попытки творческого применения марксизма к новым условиям и обстоятельствам сами по себе еще не гарантируют нас от ошибок и заблуждений. Соблюдение же самого требования творческого подхода к марксизму требует, во-первых, соблюдения отмеченных выше последующих требований, ибо оно состоит именно из этих требований; и, во-вторых, оно гарантирует успех не автоматически, а только в том случае, если исследователь по своим интеллектуальным способностям в состоянии проникнуть в сущность вещей, явлений и процессов, если он в состоянии видеть за внешне кажущимися и чисто случайными явлениями, процессами их внутренние, необходимые связи и отношения, если он способен к диалектическому способу мышления вообще.

Что же касается Плеханова, его способности диалектически

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 73.

² Слова «особо почетное место» в данном случае употребляются, конечно, не в смысле каких-либо попыток считать Плеханова единственным марксистским теоретиком в области искусства, как это делали Фриче и др. фальсификаторы Плеханова.

мыслить, его умения творчески подходить к марксизму, то этот вопрос в такой общей постановке, безусловно, должен решаться только положительно. Для Плеханова марксизм представлял собою не какую-то догму, не какое-то раз навсегда данное, законченное учение, а руководство к действию. Плеханов любил повторять, что мы не обязаны думать, как Маркс, там и тогда, где и когда сам Маркс думал бы иначе. Это отмечал и Ленин, который, оценивая работу группы «Освобождения труда», идейным вождем и главным деятелем которой был именно Плеханов, писал, что выпускаемые этой группой произведения «стали впервые излагать систематически и со всеми практическими выводами идеи марксизма».¹ (Курсив наш — Р. К.).

Написанные рукой Плеханова такие произведения, как «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и многие другие, ясно свидетельствуют об их авторе как о глубоком мыслителе, талантливом публицисте, замечательно овладевшим диалектико-материалистическим методом мышления.

Однако, один метод, одни способности к диалектическому мышлению сами по себе не обеспечивают успеха. Правильный метод создает возможности, условия и предпосылки для успеха в исследовании. Но сами требования диалектики практически настолько сложны и многогранны, что если зорко не следить за ними и постоянно не иметь их в виду, то нет-нет, да какая-либо сторона ускользнет от вас и вы совершите, даже против своей воли, отступление от диалектики. Диалектика, как метод мышления, требует следовать самому объекту исследования, рассматривать его в его историческом движении и развитии, в конкретных условиях и обстоятельствах его существования.

Понимал ли эту необходимость, эти требования диалектики Плеханов? Ответ и тут может быть только один: да, понимал. И не только понимал, но и свято соблюдал там, где ему это позволяли объективные, от него самого не зависящие обстоятельства.

Но беда Плеханова как политического деятеля в том именно и заключается, что он вследствие вынужденной эмигрантской жизни рано оторвался от практического русского революционного движения. Оторвавшись же от русской действительности, он, при всем своем желании (а это его желание засвидетельствовано в воспоминаниях многих тогдашних эмигрантов) не имел достаточных возможностей следить и анализировать революционные события в России в их конкретной обстановке, богатстве и разносторонности. Те сведения о России, которые попадали ему в руки, он жадно глотал, но они были настолько скудны, что едва ли могли дать доста-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 225.

точно материала для сколько-нибудь глубоких и серьезных выводов и заключений.

А между тем время не ждало. Оно шло своим чередом, но на сей раз в сопровождении роста революционных событий, требовавших от претендентов на роль руководителя революционного пролетариата соответствующих выводов и заключений. А поскольку Плеханов, как один из главных претендентов на роль подобного руководителя, вынужден был делать свои заключения на основе известных ему скудных сведений, то совершенно естественно, что его выводы и заключения относительно революционного движения в России, его специфических особенностей и отличительных признаков не всегда и не во всем соответствовали действительности. История доказала целый ряд ошибочных позиций и неправильных установок Плеханова в оценке революционных событий в России того времени.

Понятно, что в той мере, в какой Плеханов делал свои заключения относительно русского революционного движения на основе только доступного ему материала, а не на основе глубокого и всестороннего изучения и исследования событий в их конкретной действительности и богатстве, именно в той мере Плеханов объективно отступал от принципов и требований диалектического способа мышления. Но это частный случай, хотя и очень важный, и потому не должен быть обобщен так, чтобы его можно было распространять на все мышление Плеханова. Ибо сама тенденция к подобному рода обобщениям представляет собой ни что иное, как то же отступление от диалектики. Между тем такие тенденции проявляются если не во всех, то по крайней мере в большинстве работ, посвященных Плеханову. Попытки подобного рода метафизических обобщений и перенесение ошибочных положений Плеханова на все его творческое наследие обнаруживаются, прежде всего, в принижении ценности теоретических исследований Плеханова вообще и в меньшевистский период его политической деятельности, в частности.

Разумеется, существует определенная связь между общественно-политическими позициями и философско-теоретическими рассуждениями мыслителя, и это, безусловно, следует учитывать. Но, исходя из этой только возможной связи, делать какие-то попытки проведения знака равенства между первыми и вторыми, попытки полного их отождествления, что нередко проявляется у многих исследователей Плеханова, ничего общего не имеет ни с марксизмом, ни с действительным положением вещей.

Исследование действительного соотношения этих двух сторон в творческой деятельности Плеханова составляет очень важную и благородную задачу. Но подобное исследование отвлекло бы нас от основной своей цели далеко в сторону, и потому здесь мы оста-

новимся на анализе соотношения этих двух элементов в творческой деятельности Плеханова не в целом, а только в той мере, в какой этот анализ будет способствовать выяснению нашей основной задачи, т. е. применительно к тому периоду его творчества, когда он создавал свои труды о Толстом.

V.

Известно, что процесс формирования философского и политического мировоззрения Плеханова принято делить на три периода. Начало общественно-политической его деятельности относится еще к студенческим годам его жизни. Будучи студентом Горного института в Петербурге, Георгий Валентинович, которому едва исполнилось 20 лет, примыкает к одному из революционных народнических кружков, к кружку «бунтарей». Первое же свое крещение публичного политического оратора юный Плеханов получает во время происходившей на Казанской площади в Петербурге в декабре 1876 года первой политической демонстрации в России. Именно на этой демонстрации молодой Плеханов впервые выступает с обвинительной политической речью против русского самодержавия. И к концу 70-х годов Плеханов становится одним из самых энергичных и талантливых представителей революционного народничества. Этот первый период, период революционного народничества Плеханова, продолжается примерно до 1882 г., когда основные вопросы общественного движения в России Плеханов решает с позиций эклектизма типа Бакунина. Сам Плеханов писал, что в народнический период он, как и все другие народники, находился под сильным влиянием Бакунина.

Анализ и изучение творческой деятельности Плеханова периода его народничества свидетельствует о том, что развитие и изменения в мировоззрении Плеханова совершаются именно в сторону приближения и освоения марксистских взглядов по всем вопросам теории и практики общественного движения. К началу 80-х годов прошлого столетия заканчивается эта творческая эволюция Плеханова от революционного народничества к революционному марксизму, и 1883 год по праву считается годом окончательного и бесповоротного расставания его с народничеством и полного перехода на сторону марксизма.

Именно этот второй период, продолжавшийся с 1883 по 1903 гг., является наиболее плодотворным и последовательным в жизни Плеханова-марксиста. Создание наиболее ценных его произведений относится к этому периоду. В эти годы больше, чем когда-либо сделано Плехановым и в вопросе практической подготовки русской публики для восприятия марксизма. «Русский марксизм,—писал

В. И. Ленин, — родился в начале 80-х годов прошлого века в трудах группы эмигрантов (группа «Освобождение труда»)».¹

Ф. Энгельс и В. И. Ленин очень высоко оценили творческую и практическую деятельность Плеханова, относящуюся к этому времени. Так, имея в виду произведения Плеханова: «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К шестидесятилетию со дня смерти Гегеля» и некоторые другие первые теоретические работы его, Энгельс в письме к В. Засулич—одной из участниц плехановской группы «Освобождение труда» — писал:

«...Я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок (курсив наш—Р. К.) приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников. Сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил несколько дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России».²

В. И. Ленин, говоря о таких произведениях Плеханова, как «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и «Очерки по истории материализма», отмечал, что в этих трудах Плеханова дается «замечательно стройное и ценное изложение диалектического материализма».³

Отсюда ясно, что дух марксизма и диалектического метода мышления не были чужды Плеханову, что он неплохо овладел основами этих наук и мог успешно применять и пользоваться ими в процессе конкретного анализа вопросов теории и практики общественного движения, общественного развития.

Переход Плеханова на позиции творческого марксизма был важным историческим событием в жизни России, в развитии диалектико-материалистической философии и подготовки здесь пролетарского освободительного движения. И было бы почетнее для самого Плеханова и куда полезнее для торжества русского освободительного движения, если бы Плеханов до конца своей жизни так и оставался на позициях творческого марксизма. Но, к сожалению, этого не случилось. Наоборот, с 1903 по 1918 гг., в период, когда подъем русского освободительного движения больше чем когда-либо требовал творческого применения марксизма, Плеханов не всегда и не по всем вопросам оставался на высоте. И потому третий период в жизни и деятельности Плеханова оказывается самым сложным и противоречивым. Достаточно вспомнить

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 363.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, Госполитиздат, 1953, стр. 387—388.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 66.

лишь то обстоятельство, что к концу своей жизни Плеханов оказался вне потока того революционного взрыва, подготовке которого он посвятил всю свою сознательную жизнь, чтобы представить всю сложность и противоречивость творческой и практической его деятельности данного периода. Разногласия, разногласия и противоречия между Лениным и Плехановым, которые в начале их возникновения еще вмещались в рамки споров и дискуссий внутри единого марксистского мировоззрения, после II-го съезда РСДРП все больше и больше обострялись и в конце концов привели к тому, что по вопросам русского освободительного движения Ленин и Плеханов встали на совершенно противоположные позиции. Причем, разногласия между Лениным и Плехановым больше всего обострялись там, где речь заходила об организационных и тактических особенностях русской социал-демократии.

Спрашивается, в чем дело? Почему марксист Плеханов после 1903 года расходится с В. И. Лениным по наиболее важным и главным вопросам подготовки и проведения социалистической революции в России?

Исследователи Плеханова, затронувшие этот вопрос, в целях доказательства определенной связи и преемственности между вторым и третьим периодами эволюции его мировоззрения начинают отыскивать зачатки этих ошибок еще в его вполне выдержанных с точки зрения марксизма произведениях. Они начинают утверждать наличие определенных теоретических ошибок, подготовивших и приведших Плеханова с логической неизбежностью к отступлениям от марксизма. Чтобы доказать это, критики широко пользуются способом раздувания споров и несогласий Плеханова с Лениным по тому или иному вопросу, независимо от того, велись ли эти споры в смысле коренного расхождения в понимании вопроса или вследствие простой недоговоренности или взаимного уточнения формулировок. Особенно исследователи используют в этом духе споры и дискуссии между Лениным и Плехановым по вопросам программы, принятой вторым съездом партии. Но об этом ниже, а пока остановимся на первого рода извращениях.

«Известно,—пишет В. А. Фомина в своей монографии о Плеханове, — что еще в своих марксистских работах Плеханов недостаточно подчеркивал принципиальное различие между старой буржуазной и марксистской философией, между буржуазным и пролетарским мировоззрением. (Курсив наш — Р. К.).

Произведения Плеханова меньшевистского периода показывают, что эта ошибка переросла (курсив наш — Р. К.) в ревизионистское растворение марксизма в буржуазном мировоззрении, что он скатился к каутскианскому отождествлению марксизма с бур-

жуазной наукой».¹ И это тогда, когда именно Плеханов, первый в исторической науке, настаивал на том, что «появление материалистической философии Маркса—это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли».²

Не в меньшей мере подверглась извращениям и история создания первой программы нашей партии и сущность происходивших между Лениным и Плехановым споров и дискуссий вокруг нее. Известно, что по многим вопросам программы между Лениным и Плехановым шли споры. И, ознакомившись с ними, многие историки, философы и социологи рисуют дело таким образом, якобы именно эти расхождения Ленина с Плехановым впоследствии и легли в основу борьбы между большевиками и меньшевиками.

«Расхождения между Лениным и Плехановым были и по основному вопросу — о диктатуре пролетариата, — говорится в «Истории философии». — Ленин предлагал вместо расплывчатой формулы, предложенной Плехановым, — «власть пролетариата» — дать в программе четкую формулу «диктатура пролетариата». Ленин отмечал, что проект программы партии, написанный Плехановым, отличался абстрактностью формулировок, что это скорее «программа для учащихся, в которой говорится «о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме».³

Из этих замечаний Ленина автор данной главы делает вывод: «В разногласиях между Лениным и Плехановым при составлении программы РСДРП наметились в зародыше политические и тактические расхождения, которые впоследствии привели к борьбе двух политических направлений в рабочем движении России: большевизма и меньшевизма». (Курсив наш — Р. К.).⁴

Соответствует ли все это действительности?

Что между Лениным и Плехановым шли споры по вопросам программы—это, безусловно, соответствует действительности. Но делать из этих споров такие кричащие выводы, нам думается, нет абсолютно никаких оснований. И в самом деле, возьмем вопрос о диктатуре пролетариата.

Если «расхождения между Лениным и Плехановым по основному вопросу — о диктатуре пролетариата» носили принципиальный, по своей несовместимости, характер, то какой же из Плеханова марксист? Ведь В. И. Ленин неоднократно указывал, что марксистом является только тот, кто доводит классовую борьбу именно до диктатуры пролетариата. Поскольку же в данном

¹ В. А. Фомина. «Философские взгляды Г. В. Плеханова», М., 1955 г., стр. 280.

² Г. В. Плеханов. Избранные философские произв., т. 2, стр. 450.

³ «История философии», изд. АН СССР, т. V, стр. 290.

⁴ Там же, стр. 290—291.

случае речь идет о расхождении между Лениным и Плехановым именно до и во время II съезда, то получается одно из двух: или Плеханов никогда не был настоящим марксистом, или же споры эти между Лениным и Плехановым выйдут далеко не так, как их рисуют наши исследователи. и велись они в рамках общего для обоих спорящих — марксистского мировоззрения.

При чтении вышеприведенных мест из работы академика Митина мысль поневоле клонится к первому, и таким образом наш автор, сам того не замечая, приходит в полное противоречие с Лениным, считавшим Плеханова все-таки до второго съезда неплохим марксистом.

В то же время, глубокое и всестороннее изучение материалов самого съезда, поведения Плеханова на съезде, его переписки, касающейся споров с Лениным по вопросам программы, а также оценки заслуг и поведения Плеханова на II съезде Лениным не оставляют никакого сомнения в истинности именно второго решения, того решения, что расхождения между Лениным и Плехановым по вопросу о диктатуре пролетариата носили скорее редакционный характер, нежели разногласия по существу.

Именно об этом и свидетельствуют следующие замечания Плеханова: в письме к В. Засулич от 19 марта 1902 г. Плеханов, касаясь ленинских замечаний на представленный им проект программы, писал: «Против прибавки, касающейся диктатуры пролетариата, я ничего не имею. (Курсив наш — Р. К.). Фрей (Левин) нашел в бытность мою в Мюнхене, что в моем первом проекте о ней говорилось слишком «крикливо». Я заменил выражение диктатура пролетариата выражением власть пролетариата: это одно и то же, ибо в политике кто имеет власть, тот и диктатор».¹

И действительно, если взглянуть на первоначальный проект программы Плеханова, то там сказано следующее: «Чтобы заменить капиталистическое производство товаров социалистической организацией производства продуктов для удовлетворения нужд общества и для обеспечения благосостояния всех его членов, чтобы совершить революцию, пролетариат должен иметь в своих руках политическую власть, которая сделает его господином положения и позволит ему беспощадно раздавить все те препятствия, которые встретятся ему на пути к его цели. В этом смысле диктатура пролетариата составляет необходимое политическое условие социальной революции».²

В правоте вышевыдвинутого тезиса еще больше убеждает нас само поведение Плеханова на съезде.

¹ Г. В. Плеханов. Письмо В. И. Засулич. Ленинский сб. изд. 3, т. 2, стр. 95.

² Г. В. Плеханов. Первоначальный проект программы РСДРП, Ленинский сб., изд. 3, т. 2, стр. 17—18.

Как известно, против ленинского пункта о диктатуре пролетариата на съезде особо остро выступали антиискровцы во главе с Акимовым и Мартыновым. Своим истолкованием диктатуры пролетариата и Троцкий, по существу, примыкал к антиискровскому направлению. И вот в этой сложной обстановке, в решающий момент Георгий Валентинович страстно отстаивает вопрос о диктатуре пролетариата. Критикуя и опровергая доводы и положения оппортунистического, антиискровского направления и отстаивая линию твердых искровцев по ленинскому пункту о диктатуре пролетариата, Плеханов заявляет на съезде, что принципы демократии должны быть подчинены интересам революции, что «успех революции—высший закон».

Во имя интересов революции, предупреждал и настаивал Плеханов, пролетариат не должен останавливаться ни перед лишением буржуазии избирательных прав, ни перед разгоном ее реакционного парламента.

Наряду с этим, в проблеме выяснения сущности диктатуры пролетариата далеко не второстепенное место занимают вопросы о руководящей роли пролетариата в революции. В нашей философской и литературоведческой литературе абсолютно необоснованно господствует мнение, сформулированное академиком Митиным таким образом: «Плеханов делал неправильный вывод, что рабочий класс не может быть руководящей силой революции, фактически отрицал роль крестьянства, как союзника пролетариата».¹ Кроме того, многие исследователи Плеханова правомерность своего противопоставления Ленина Плеханову, с одной стороны, и свое заключение относительно «бессилия» Плеханова понять литературное наследие Толстого, с другой стороны, обосновывают и доказывают тем, что Плеханов «не понимал значения русского крестьянства в освободительном движении, сбрасывая его со счетов революции, отводя главную роль в ней либеральной буржуазии».²

Обвинения эти, как и в первом случае, необоснованы и несостоятельны.

И в самом деле, возьмем первое обвинение, — будто Плеханов отрицал руководящую роль пролетариата в революции.

Как можно согласиться с тем, что марксист Плеханов, посвятивший всю свою жизнь делу пролетарской революции, мог отрицать руководящую роль рабочего класса? В таком случае Плеханов прежде всего должен был отрицать возможность не только победы пролетарской революции, но и самую возможность ее осуществления вообще. Ведь нельзя же представить, что Плеханов предполагал, будто пролетариат не сам будет завоевывать

¹ «История философии», т. 5, стр. 290.

² См. сборник «Л. Н. Толстой в русской критике». М. 1952, стр. 48.

власть, а ее ему преподнесут на тарелке какие-то другие силы, в том числе и либеральная буржуазия.

Наконец, как можно совместить вышеприведенное утверждение о Плеханове с его неоднократным заявлением о том, что «революционное движение в России восторжествует только как рабочее движение или же никогда не восторжествует».¹

Чтобы представить более полную точку зрения Плеханова по данному вопросу, необходимо ознакомиться и с его позицией по этому вопросу во время обсуждения проекта первой программы нашей партии. В упомянутом выше письме к В. И. Засулич Г. В. Плеханов, возражая и опровергая поступающие в его адрес обвинения в том, будто в своем проекте программы Плеханов пункты о классовой борьбе и социальной революции формулирует не в достаточно пролетарском духе,² пишет: «совершенно не понимаю, как это формулировать пункты в духе пролетарской (надеюсь, не мартыновской) пролетарской борьбы».³ А я как формулировал? Вся наша программа, от начала до конца, должна иметь в виду именно эту борьбу, но если кому-нибудь не нравится, что в моем проекте указано на то, что пролетариат совершит революцию, поддержанный другими слоями эксплуатируемой массы, то здесь я вижу принципиальное разногласие. Дело не в том, что пролетариат совершит революцию в интересах этих слоев, а в том, что некоторые из них он может и должен привлечь для совместной борьбы с капитализмом». Здесь ли отрицается руководящая роль пролетариата?

А вот и о союзе рабочего класса с крестьянством.

«На болонском конгрессе сельскохозяйственных рабочих (в ноябре прошлого года, см. «Avanti» «Вперед» были представители от мелкого крестьянства, которые с энтузиазмом высказались за социализацию землевладения. Это — факт, с которым необходимо считаться и который может повториться и в других странах». И далее идет очень существенная поправка: «Да что я говорю — может: мы (марксисты разных стран) должны употреблять все зависящее от нас для того, чтобы он повторил»

¹ Г. В. Плеханов. Речь на Международном рабочем Социалистическом конгрессе в Париже (14—21 июля 1889 г.) Изб. фил. пр. т. 1, стр. 421.

² См. Ленинский сб... Изд. 3, т. 2, стр. 92.

³ Речь идет о следующем пункте проекта соглашения: комиссия по поводу проекта соглашения писала: «З К. пункту о классовой борьбе и социальной революции (против проекта Фрея (Ленина) добавляется, что социал-демократия борется против угнетения и эксплуатации не только наемных рабочих, но и всех трудящихся и угнетенных, и освободит все трудящиеся массы, но (в противоположность проекту Жоржа (Плеханова) самый пункт о классовой борьбе и социальной революции формулируется строго в духе пролетарской классовой борьбы и добавляется диктатура пролетариата». (Там же).

¹ Ленинский сборник, т. 2, стр. 94—95.

ся. А ведь если такое явление примет широкие размеры, то это будет значить, что на помощь пролетариату идет мелкое крестьянство».¹

Все это подтверждал Плеханов своим поведением и на съезде, что и дает основание считать, что на съезде Плеханов шел вместе с В. И. Лениным. Если бы это было не так, и если бы обвинения, выдвинутые по данным вопросам против Плеханова, в полной мере соответствовали действительности, то тогда бы и не было никаких оснований утверждать, что «на съезде Плеханов шел вместе с Лениным». Ведь именно эти вопросы составляли основное содержание программы. А что касается всех остальных обсуждаемых на съезде вопросов, то по ним Плеханов проявлял еще большее единогласие с Лениным. Именно об этом и свидетельствует ответ Плеханова Рязанову, утверждавшему, что принятая на съезде программа представляет собой оппортунистическое искажение первоначальной программы группы «Освобождение труда», которое, будто, произошло под давлением Ленина.

«Нынешний наш проект программы есть именно нечто иное, как старый проект группы «Освобождение труда», вновь изданный с соответствующими изменениями. Рязанов не одобряет этих изменений, но мы убеждены, что без них обойтись невозможно, и если бы наша партия поручила нам написать новую программу и при этом взять за точку исхода старый проект нашей группы, то мы немедленно и, нимало не колеблясь, восстановили бы, параграф за параграфом, проект, известный теперь под именем проекта редакции «Искры» и «Зари». Никакого другого проекта мы не могли бы написать по той простой причине, что всякий другой проект не так точно выражал бы наши взгляды».² (Курсив наш — Р. К.).

Спрашивается, есть ли после всего этого какое-либо основание искусственно, именно искусственно, раздувать те чисто словесные недоговоренности и споры по их уточнению в какие-то принципиальные расхождения между Лениным и Плехановым?

Ошибки наших товарищей, в данном случае, вытекают из их неправильного понимания занимаемой Плехановым позиции относительно возможностей и целесообразности победы пролетарской революции в России. И в данном случае они ищут ошибки Плеханова не там, где они содержатся действительно. В своем утверждении о том, что Плеханов отрицал руководящую роль пролетариата в революции, его диктатуру, они исходят из того, будто бы Плеханов не верил в возможность победы пролетарской

¹ Ленинский сборник, т. 2, стр. 94—95.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. 12, стр. 373.

революции ни 1905, ни 1917 гг., что он дело пролетарской революции в России, вследствие отсутствия развитого капитализма здесь откладывал в долгий ящик.

В действительности дело обстояло далеко не так, и потому утверждения данных товарищей сами оказались ошибочными.

А дело обстояло таким образом: Плеханов отрицал не возможность победы пролетарской революции, не самую возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, а прежде всего и главным образом целесообразность перерастания революции и его полезность для рабочего класса. Плеханов считал непосредственное — в смысле непрерывности — перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую для русского рабочего класса действительно бесполезным и даже вредным, ибо, по его убеждению, вследствие слабого развития капитализма в России страна материально была не подготовлена для такого качественного скачка. Именно потому он и приветствовал Февральскую революцию 1917 года и выступал против Октябрьской революции. И свою позицию в этом случае Плеханов пытался обосновать ссылкой на Энгельса о том, что самой большой трагедией для пролетариата является преждевременный захват власти.

Россия, любил повторять Плеханов, страдает не столько от развития капитализма, сколько от его недостаточного развития. Потому, если в таких условиях пролетариат захватит власть в свои руки, он должен будет приступить и к ликвидации капиталистического способа производства и установлению социалистического. А это, в свою очередь, будет означать отстранение буржуазии от революции, отказ от использования ее возможностей развития материальной базы для перехода к социализму, а следовательно, и перекладывание пролетариатом на свои собственные плечи непосильных ему трудностей и препятствий. В данном случае Плеханов считал наиболее разумным и целесообразным установление коалиционного правительства с тем, чтобы вынужденно-необходимое временное сосуществование представителей разных классов в правительстве социал-демократическая партия смогла использовать в целях подготовки материальной базы для непосредственного перехода от капитализма к социализму. «Но пусть даже так», — могут сказать критики. Ведь и в таком случае Плеханов полностью расходится с Лениным. Мы скажем: «Да, есть это расхождение и расхождение коренное и принципиальное, которое выражается в том, что если Плеханов задачу создания материально-технической базы для перехода к социализму возлагал на буржуазию, то Ленин эту задачу передает в руки самих пролетарских масс».

Плехановская постановка вопроса, кроме всего остального, означает оттягивание дела социалистической революции. Ленин такую постановку вопроса считал ненужной «осторожностью», а потому и вредной, и бесполезной и т. д.

Думается, не будет излишним здесь же указать и на то обстоятельство, что после поражения первой русской революции, когда создавали свои труды о Толстом Ленин и Плеханов, проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую и связанные с ней другие вопросы стояли не так остро, чтобы они могли служить водоразделом между Лениным и Плехановым вообще и в понимании творческого наследия Толстого, в особенности. Так что трудно согласиться с М. Розенталем, который особо настаивает на том, «что одной из главных причин непонимания Толстого» Плехановым было меньшевистское отношение его к «первой русской революции, в частности, к крестьянству, т. е. к тому классу общества, положение которого отразил Толстой в своем учении и творчестве после знаменитого поворота в его жизни».¹

Однако, если мы не согласны с тем, что ошибки, допущенные Плехановым после 1903 года, являются дальнейшим развитием и углублением «содержащихся в его философских воззрениях еще марксистского периода его жизни и деятельности серьезных ошибок и недостатков», то как же объяснить их?

Нам думается, что ключ к объяснению данной проблемы содержится в таких трудах В. И. Ленина, как «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Крах II Интернационала», «III Коммунистический Интернационал», «III Интернационал и его место в истории» и др., где В. И. Ленин как раз подчеркивает зависимость особенностей развития марксизма на той или иной ступени его творческого существования от сдвигов и изменений, происходящих в международном революционном движении рабочего класса. Со времени зарождения марксизма в зависимости от характера особенностей пролетарского революционного движения всемирную историю Ленин делит на три периода, и именно от особенностей каждого периода Ленин объясняет в основном и особенности развития марксизма на том или ином этапе его исторического существования.

Первый период — это период с 1848 г. до Парижской Коммуны (1871 г.); второй период охватывает период от Парижской Коммуны до русской революции (1905 г.); третий — это период от первой русской революции.

Каждый из этих периодов имеет свои специфические черты, свои неповторимые особенности.

¹ М. М. Розенталь. «Вопросы эстетики Плеханова», М. 1939, стр. 124.

В плане нашей общей задачи в данном случае нас интересуют особенности второго и третьего периодов и потому к их характеристике мы и перейдем.

«Второй период (1872—1904 гг.) отличается от первого,—говорит В. И. Ленин,—«мирным» характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос. (Курсив наш — Р. К.).

Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. ...Учение Маркса одерживает полную победу и — идет **вширь**. Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам».¹

Поскольку второй период, по прямому указанию В. И. Ленина, представляет собой вступление Запада в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований, период, когда учение Маркса одерживает полную победу, то ученики Маркса и Энгельса после смерти своих учителей в основном занялись вопросами развития марксизма не столько вглубь, сколько **вширь**. Наиболее правверные и последовательные ученики Маркса и Энгельса занялись вопросами: во-первых, дальнейшего углубления и расширения своих знаний в марксизме; во-вторых, анализом и объяснением происходящих, несмотря на «мирный» период развития общественной жизни, некоторых изменений и сдвигов в истории мирового революционного движения; в-третьих, углублением и уточнением тех положений марксизма, которые сами основоположники марксизма по тем или иным причинам не смогли более полно разработать и по ним ограничились некоторыми основополагающими указаниями, и, наконец, в-четвертых, пропагандой и распространением марксизма среди трудящихся масс разных стран.

Задача эта, по сравнению с задачей творческого развития марксизма соответственно новым закономерностям общественного развития и, прежде всего, закономерностям империалистической стадии развития капитализма, была относительно легкой, так как общие закономерности восходящей стадии развития капитализма глубоко были вскрыты и объяснены Марксом и Энгельсом. Потому и среди лидеров II Интернационала было немало «ортодоксальных» марксистов.

Но вот XIX столетие наконец-то оказалось на исходе, кончается и «мирный» период развития революции. Начинается новое столетие, и как бы в ознаменование этого нового века наступают долгожданные битвы пролетарской борьбы. Но на сей раз уже не

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 545—546.

в Европе, а именно в Азии. Начало этим бурям и столкновениям кладет первая русская революция (1905—1907 гг.).

«Не успели оппортунисты нахвалиться «социальным миром» и не необходимостью бурь при «демократии», как открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии, — писал Ленин с восторгом.—За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская. Мы живем теперь как раз в эпоху этих бурь и их «обратного отражения» на Европе».¹

Но особенности этого нового периода развития революционного движения не только в том, что Восток уже дорос до революционных бурь, что центр революционного движения переместился из Европы в Азию, а главным образом в том, что эти новые революции разворачиваются в условиях **империалистической стадии** развития капитализма.

Известно, что империализм, как последняя стадия развития капитализма, имеет свои, качественно новые противоречия и закономерности, которые не могли не наложить свой отпечаток и на характер революционного движения пролетариата. Новый же характер революционного движения пролетариата, в свою очередь, приводит к необходимости разработать новые организационные, политические и тактические нормы и принципы работы. Иначе говоря, революции XX столетия требовали коренного пересмотра, утвердившихся на основе обобщения опыта революционных движений пролетариата всех стран эпохи восходящего капитализма теоретических, политических, тактических и организационных принципов и установок под углом зрения анализа новых закономерностей общественного развития. А эта задача оказалась куда сложнее, чем та, которая стояла перед марксистами во втором периоде их общественно-политической деятельности.

Новый период требовал как глубокого изучения и усвоения в принципе уже решенных в марксизме проблем общественного развития, так и, прежде всего, творческого применения марксистской методологии к решению качественно новых задач общественного развития.

Как стало ясно впоследствии, из лидеров II Интернационала в этом плане ни один не оказался на высоте положения. Все они (правда, в разной мере глубины и значимости) допускали ошибки в решении этих задач и тем самым, по существу, одни из них стали на путь открытого оппортунизма и ревизионизма, другие своими действиями объективно способствовали росту и развитию политического и тактического оппортунизма внутри социал-демократических партий.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 546.

Плеханов твердо стоял на позициях марксизма в решении тех вопросов теории и практики, которые поддавались анализу и изучению с точки зрения уже решенных в марксизме основных положений и установок, но в то же время он допускал неточности, ошибки и отступления от духа марксизма в решении тех вопросов общественного развития, которые не вменялись в рамки уже решенных вопросов и требовали разработки новых принципов и установок применительно к новым условиям.

Однако, ни все сказанное здесь, ни допущенные Плехановым ошибки и неточности еще не доказывают того, что третий период его жизни и деятельности состоит из одних сплошных ошибок и отступлений от марксизма. В решении многих вопросов Плеханов и в меньшевистский период своей жизни стоял на позициях марксизма.

Понятно, что нельзя согласиться с тем, по существу, вульгарно-социологическим отождествлением философских воззрений Плеханова с его политическими позициями, которое так явно проникает в литературу о нем.

Слов нет, философия и политика тесно связаны между собой, существует определенная взаимосвязь и взаимообусловленность между философскими и политическими воззрениями мыслителя. Но это еще не дает права для их автоматического отождествления, для проведения знака равенства между ними. Подобная связь у каждого мыслителя проявляется своеобразно, и у одного мыслителя они могут совпадать в полной мере, а у другого — только частично, причем, между ними могут быть существенные расхождения. И кстати сказать, сам Плеханов неоднократно указывал на недопустимость подобного механического отождествления философских воззрений мыслителя с политическими воззрениями его. «Мыслитель, сочувствующий **реакционным** стремлениям в общественной жизни, — писал он, — может тем не менее создать философскую систему, заслуживающую **полного внимания** и **даже сочувствия со стороны прогрессистов**».¹ И, наоборот, добавим мы, мыслитель, придерживающийся прогрессивных идей в политике, может стоять на ложных и отсталых философских позициях, т. е. не всякий революционер в политике может быть представителем передовой философии. И нам кажется, что именно это В. И. Ленин и подчеркивал в письме к Горькому в феврале 1908 года о Плеханове: «Тактика его — верх пошлости и низости. В философии он отстаивает правое дело».² При этом следует заметить, что Плеханов и после II съезда имеет немало заслуг перед партией и по вопросам политики и тактики русского ре-

волюционного движения. Вспомним хотя бы его острую борьбу против ликвидаторов и отзовистов, богостроителей и богоискателей.

Представляет определенный научный интерес в этом плане сделанное им заявление еще в 1908 году в письме к Дану от 26 ноября: «Я никогда не предполагал, — пишет Плеханов, — что выступая крайне непримиримыми в «Голосе социал-демократа», мы можем в легальной печати идти под руку с Валентиновым, Юшкевичем и прочей полумарксистской сволочьей (не поставьте в вину, что я раньше не выражался о них так резко: думал-то о них я всегда так)... Пишите где хотите, но **предварительно размежуйтесь с людьми, вносящими в марксизм элементы ереси**. На очереди дня, по моему мнению, размеживание именно с полумарксистами Валентиновым, Потресовым... и т. д. Я не считаю позволительным быть строже к Богданову, нежели к Юшкевичу, на том основании, что первый большевик, а второй меньшевик... Гетеродокс из лагеря большевиков для меня ничем не хуже гетеродокса из лагеря меньшевиков. Я сторонюсь обоих»¹.

Когда же неоднократно подобные предупреждения Плеханова остались безрезультатными, он, Плеханов, не задумываясь, порывает с редакцией меньшевистского «Голоса социал-демократа». Выходя из состава редакции, Плеханов 5 января 1909 г. заявляет: «Меня утешает сознание выполненного долга, убеждение в том, что своим выходом я протестую против распространения таких взглядов, которые отрицают все традиции революционного марксизма».²

А вот что он пишет о богостроительстве и богоискательстве. Богостроители «начинают с того, что признают бога фикцией, а кончают тем, что признают человечество богом... Диалектический материализм совсем не годится для богосочинительства. Кто, уступая настроению, господствующему в нашей современной «интеллигенции», принимается за богосочинительство, тот необходимо должен отречься от диалектического материализма и совершить известные теоретические ошибки».³

Имея в виду именно эту деятельность Плеханова, В. И. Ленин в одном из своих писем в редакцию «Правды» в 1913 г. писал: «Он (речь идет о Плеханове—Р. К.) ценен теперь, ибо воюет с врагами рабочего движения».⁴

Возвращаясь к этому же вопросу, в апреле 1914 г. Ленин пишет о Плеханове: «...Жаль, что свою большую

¹ Архив Дома Плеханова, ед. хр. А. 28, 2, инв. № 329.

² См. журнал «Исторический архив», № 6, 1956, стр. 14.

³ Г. В. Плеханов. Изб. фил. пр., т. 3, стр. 400.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 68.

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова». сб. V, стр. 172.

² В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 332.

заслугу борьбы с ликвидаторами во время развала, борьбы с махистами в разгар махизма, он компрометирует теперь проповедью, которой сам не может разъяснить: с кем же единство? С нашей «Зарей», с «Северной рабочей газетой»? И на каких условиях?»¹

Такова общая позиция Плеханова и оценка, данная Лениным творческому наследию Плеханова в целом. Но поскольку Ленин и Плеханов писали о Толстом в одно и то же время, почти в одних и тех же органах, то для анализа и правильного понимания сущности плехановских работ о Толстом не менее важное значение имеет выяснение взаимоотношений Ленина и Плеханова по вопросам теории и тактики в этот более узкий и конкретный промежуток времени.

VI.

Ленин и Плеханов с большим вниманием следили за работами друг друга и в этой области, хотя бы потому, что к этому времени именно они стали двумя главными претендентами на роль вождя партии. И надо подчеркнуть, что анализ и изучение сохранившегося в этом отношении фактического материала дает возможность установить вполне определенное представление об отношении Ленина к работам Плеханова о Толстом. А между тем в нашей литературе по этому вопросу имеется немало искажений, которые проявляются главным образом в известном противопоставлении Ленина Плеханову.

Взаимоотношения Ленина и Плеханова строились на основе партийной принципиальности. Они сходились и действовали совместно там, где совпадали их мысли и идеи по тому или иному вопросу, и были непримиримы там, где расходились и не совпадали их точки зрения.

Понятно, что если бы по вопросам оценки и понимания творческого наследия Толстого Ленин и Плеханов в чем-то расходились, да расходились бы еще в «главном и основном», как это утверждают критики Плеханова, то они не замедлили бы указать на это, не стали бы прощать друг другу расхождения в понимании такого художника, как Толстой, мировое значение которого тогда уже было общепризнанным. А между тем, вопреки нашим критикам, в работах Ленина и Плеханова по поводу понимания Толстого мы не находим никаких указаний и намеков на расхождения. В то же время в ленинских письмах, сборниках и статьях о Толстом содержится немало прямых и косвенных указаний относительно принципиального его согласия с работами Плеханова о Толстом.

В письме к Горькому от 3. 1. 1911 г. Владимир Ильич писал:

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 237.

«Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже избесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись. Он ругает за это нашу «Зарю» в Ц. О. (следующий номер), я в «Мысли».¹ (Курсив наш — Р. К.).

А в работе «Герои оговорочки», специально посвященной критическому разбору работ о Толстом «бывших социал-демократов», сблизившихся в своей оценке великого писателя с либеральной прессой, Ленин пишет: «Все они вместе (речь идет о Базарове, Неведомском, Потресове, Изгоеве, Мартове, Левицком, Маслове, Каутском и др.—Р. К.) согласны только в том, что они не согласны с Плехановым и что он клеветнически обвиняет их в ликвидаторстве, сам будто бы не будучи в состоянии объяснить своего теперешнего сближения с его вчерашними противниками».² (Имеются в виду ленинцы — Р. К.).

В. И. Ленин не только выражает свое полное согласие с Плехановым, но и берет его под защиту: «Нет ничего проще, чем объяснение этого сближения, непонятного для людей оговорочных. Когда у нас был локомотив, мы расходились самым сильным образом относительно того, соответствует ли крепости сего локомотива, запасам топлива и т. д. быстрота, скажем, в 25 или в 50 верст в час. Спор об этом, как о всяком горячо волнующем вопросе, велся со страстью и нередко с озлоблением. Спор этот — решительно по каждому вопросу, по которому он возникал, — у всех на виду, всем открыт, договорен до конца, не замазан никакими «оговорочками». И никому из нас не приходит в голову брать что-либо назад или хныкать по поводу «озлобления спора». Но, когда локомотиву случилось потерпеть поломку, когда он лежит в болоте, окруженный «оговорочными» интеллигентами, подло хихикающими по поводу того, что «и ликвидировать нечего», ибо локомотива уже нет, тогда нас, вчерашних «озлобленных спорщиков», сближает одно общее дело. Ни от чего не отрекаясь, ничего не забывая, никаких обещаний об исчезновении разногласий не делая, мы общее дело делаем вместе».³ (Курсив наш — Р. К.).

Еще одно обстоятельство, говорящее не в пользу критиков Плеханова. Все критики Плеханова в качестве одного из главных обвинений ставят ему его утверждение о том, что «Толстой был и до конца остался барином».⁴ Не разобравшись, что к чему тут, критики набрасываются на Плеханова, обвиняя его в том, будто именно здесь прежде всего обнаруживается «наглядно»

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 383.

² В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 342.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 342—343.

⁴ Г. В. Плеханов. «Заметки публициста».

полная противоположность плехановской оценки Толстого ленинской, «считающей» Толстого выразителем настроений барства.

Между тем, Ленин был совершенно другого мнения по данному поводу. Работа «Заметки публициста», в которой содержится вышеприведенное положение Плеханова, помещена, во-первых, в нелегальной большевистской газете «Звезда», что уже, если не по существу, то хотя бы с формальной стороны, говорит кое о чем; и, во-вторых, что самое главное, Ленин сам был хорошо знаком с данной работой, и если бы она содержала то принципиальное расхождение, о котором говорят критики Плеханова, то он бы не замедлил указать на него. Ведь тут речь идет не о каком-то второстепенном вопросе, а о понимании творческого наследия писателя с мировым именем. А между тем, Ленин, упоминая названную работу Плеханова, в вышеупомянутом письме к Горькому вот как характеризует ее: «В «Звезде» № 1 ...есть тоже **хороший** (курсив наш—Р. К.) фельетон Плеханова с пошлым примечанием, за которое мы уже обругали редакцию... Толстому ни «пассивизма», ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя».¹

К утверждению Плеханова о том, что «Толстой был и до конца остался барин», мы еще вернемся. А пока поговорим о том, откуда взяли критики противоположность воззрений Ленина воззрениям Плеханова относительно Толстого, где корни и причины такого противопоставления.

Критики в данном случае исходят только из того, что раз Ленин специально посвятил Л. Толстому семь работ, то, безусловно, он должен был дать и дал исчерпывающее объяснение творчеству писателя, а поскольку в работах Плеханова содержится не то, что у Ленина, то, следовательно, должно быть, он противоречит ему.

В действительности, если подходить к Плеханову не с преднамеренно сконструированным тенденциозным заданием — отыскать во что бы то ни стало в его творениях ошибки, — то нетрудно убедиться, что работы последнего ни в какой мере не противоречат работам Ленина. В данном случае следует поразмыслить только над тем, какую ставили критики перед собой задачу и как они ее решали. Но чтобы поставить вопрос именно в этом плане, необходимо отказаться от той, по существу неправильной мысли, что работы Ленина полностью исчерпывают Толстого. Воспринимая работы Ленина за окончательное решение всех проблем, связанных с творчеством Толстого, они тем самым уже заранее отрезали себе дорогу к подобной по-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 383—384.

становке вопроса. Нет оснований подозревать, что постановка вопроса именно в этом плане в какой-либо мере будет означать умаление ленинских работ о Толстом.

Правильное решение вопроса о соотношении, совместимости и несовместимости плехановских работ с работами Ленина о Толстом во многом зависит от понимания того, какую задачу ставит перед собой Ленин и Плеханов и как они ее решали. В трудах Ленина и Плеханова о Л. Толстом ставятся и решаются следующие вопросы: о противоречивости творчества Толстого; о совместимости и несовместимости философии Толстого с философией марксизма; о приемлемости или неприемлемости учения Толстого для дела освободительной борьбы пролетариата; о социальном генезисе творчества Толстого; о духовном генезисе творчества Толстого, о художественном таланте писателя; о соотношении Толстого-мыслителя с Толстым-художником, и, наконец, об отношении пролетариата к творческому наследию писателя.

Как видно уже из одного перечня вопросов, они не только не противоречат друг другу, а взаимно дополняют друг друга. Определив это, мы должны затем выяснить вопрос о том, в какой мере правильно решал часть из них Плеханов. И если он решал их правильно, то совместимость его работ с ленинскими, на наш взгляд, решается уже автоматически. Тот факт, что не все отмеченные выше вопросы ставил и решал Плеханов, не может служить препятствием в решении этой задачи. Если считать вполне марксистскими только те работы, в которых ставятся и решаются все отмеченные вопросы, то мы не найдем ни одного «марксистского» труда о Толстом. Кажется, все-таки мы имеем больше оснований в данном случае рассматривать Ленина и Плеханова блоке, нежели в оппозиции друг к другу. Это основание мы назовем, во-первых, в том, что такой подход к работам Ленина и Плеханова больше соответствует действительности и способствует правильному познанию сложного и противоречивого творчества великого Толстого; и, во-вторых, в том, что на этот счет есть некоторые указания самого Ленина. Мы имеем в виду, в первую очередь, письмо Ленина к Г. Шкловскому от 14 октября 1910 г., где он писал: «Насчет блока с Плехановым, по-моему, Вы вполне правы, **что мы должны быть за блок** (курсив наш — Р. К.). Я стою ссело с 1909 г., за сближение с плехановцами. И теперь еще больше. Только с плехановцами мы можем и должны строить партию».¹ Кроме того, работу «Герои оговорочки», специально посвященную Лениным его отношению к тогдашней литературе о Толстом.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 377.

Ленин и Плеханов к анализу и оценке творческого наследия Толстого подходили с таких разных сторон, которые не только не противоречат друг другу, а, напротив, взаимно обогащают и дополняют друг друга. Ленин подходит к творчеству Толстого с точки зрения его социальных предпосылок, его социального генезиса, тогда как Плеханов занимается, главным образом, исследованием именно духовного генезиса творчества Толстого. А для глубокого и всестороннего изучения и понимания сущности противоречивого и сложного творчества Толстого они в равной мере необходимы.

Труды Ленина и Плеханова о Толстом были вызваны к жизни необходимостью дать отпор либерально-буржуазным публицистам, ликвидаторам, отзовистам и некоторым «бывшим социал-демократам», лицемерно объявившим толстовство «евангелием социализма». Отсюда первая задача, которая вставала перед Лениным и Плехановым — определить и показать действительно место Толстого как в истории развития человеческой культуры вообще, так и в истории развития освободительной борьбы пролетариата, в частности, и, прежде всего, показать действительно место Толстого в этой борьбе и тем самым определить и действительно отношение трудящихся масс к творческому наследию великого художника.

В полном единогласии между собою эту задачу Ленин и Плеханов решают таким образом: анализ творческого наследия Толстого ясно обнаруживает его сложность, многогранность, противоречивость. И потому оценивать Толстого с точки зрения полного одобрения или полного осуждения становится невозможным. В творческом наследии великого художника содержатся как совпадающие с интересами трудящихся масс элементы, так и противоречащие им. В творчестве Толстого имеется много такого, что способствует развитию пролетарской культуры и составляет непреходящую общечеловеческую ценность, и в то же время там содержится немало такого, что не приемлемо для трудящихся масс, что мешает развитию их освободительной борьбы и от чего должен отказаться пролетариат. Иначе говоря, отношение пролетариата к творческому наследию Толстого Ленин и Плеханов коротко определяют таким образом: унаследуйте и сохраните все положительное и ценное в творчестве Толстого и смело и бесповоротно откажитесь от всего того, что там содержится отрицательного и реакционного.

Затем Ленин и Плеханов переходят к анализу вопроса — а, что же

собственно, содержится положительного и отрицательного в творчестве Толстого? Что у него должен унаследовать и от чего должен отказаться пролетариат? В чем положительные и отрицательные стороны творчества Толстого, как они выглядят конкретно и практически?

В решении этой сложной задачи первое звено составляет конкретное определение характера противоречий в творчестве Толстого. И Ленин, и Плеханов свой анализ творчества Толстого начинают именно с этого вопроса. Как же они его решают?

В. И. Ленин писал:

«Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовец»... С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».¹ Так именно обобщает Ленин присущие творчеству Толстого противоречия.

Плеханов, пытаясь выразить коротко противоречивый характер творчества Толстого, писал: «Я считаю его гениальным художником и крайне слабым мыслителем».²

Поскольку исследователи плехановских работ о Толстом больше чем по какому-либо другому вопросу допускают кривотолки именно в интерпретации данного положения Плеханова, остановимся на нем несколько подробнее.

Исследователи, натолкнувшись на данную характеристику Толстого Плехановым и сравнивая ее с ленинской характеристикой толстовских противоречий, приходят к твердому убеждению

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 180.

² Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», том 2, М., 1958, стр. 369.

в том, что Плеханов в данном случае находится в полном противоречии с Лениным, потому что он необоснованно отрывает Толстого-мыслителя от Толстого-художника и, таким образом, противопоставляет их друг другу. А между тем, полагают они, Ленин говоря о наличии противоречий «в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого, тем самым исключает такое противопоставление Толстого-мыслителя Толстому-художнику. Плеханова обвиняют во всех смертных грехах, и в том числе в отступлениях от диалектики, выразившихся в данном случае, якобы, в метафизическом отрывании Толстого-мыслителя от Толстого-художника.

«Стремление оторвать Толстого-художника от Толстого-мыслителя и противопоставить их друг другу,—пишет С. Бычков,— в полной мере раскрылось уже в первой печатной статье Плеханова о Толстом «Заметки публициста», имевшей очень выразительный подзаголовок «Отсюда и досюда». Критик писал, что он, как марксист, любит Толстого «только отсюда и досюда» и считает его гениальным художником и крайне слабым мыслителем» «Собственные отступления Плеханова от диалектики к метафизике и схоластике помешали ему понять взаимообусловленность и взаимопроникновение сильных и слабых сторон в мировоззрении Толстого, которые находили свое выражение и в его художественных произведениях и в его публицистической деятельности».¹

Предъявленное здесь Плеханову обвинение твердо вошло в нашу литературу и ныне считается общепризнанным, хотя, как нам кажется, оно в своей основе и ложно и антинаучно. Антинаучность и ложность данного обвинения обуславливается и проявляется в метафизическом походе самих обвинителей к приведенному выше положению Плеханова. Метафизичность в данном случае проявлялась в том, что эти исследователи вместо серьезного анализа содержащейся в данном тезисе мысли Плеханова занялись чисто схоластической ее обработкой и на этом свою миссию сочли выполненной. Критики не затруднили себя даже тем, чтобы понять, какое содержание вкладывает Плеханов в понятия Толстой-художник и Толстой-мыслитель. Вместо такого анализа критики сперва за Плеханова сами произвольно отождествили Толстого-художника с художественными произведениями его, а Толстого-мыслителя с его публицистикой, абсолютизировали их и потом начали громить и поносить собственную схему рассуждений, выдавая расправу с ней за расправу с Плехановым.

¹ С. П. Бычков. Вступительная статья к сб. «Л. Н. Толстой в русской критике М., 1960, стр. 45—46.

В действительности же Плеханов употребляет понятия Толстой-художник и Толстой-мыслитель не в абсолютном значении, идентичном с понятиями Толстой-писатель и Толстой-публицист. Нет. Ибо такой образованный и тонкий мыслитель, как Плеханов, не мог не знать, что нет художества без мысли, так же, как нет у великого художника публицистики без художества. Плеханов понятие Толстой-художник употребляет не в узком значении этого слова, а в широком, и оно у него применимо к Толстому постольку, поскольку он не просто рассуждает и размышляет, а рассуждает и размышляет именно художественно. Толстой-мыслитель же у Плеханова означает не просто мысли великого художника и тем более не просто публицистическую деятельность его, а учение Толстого, именно ту сторону творческого наследия Толстого, где он выступает в качестве учителя жизни. Для Плеханова Толстой выступает в качестве художника там, где он действительно рисует жизнь, быт и психологию людей, их страсти, стремления и переживания. А там, где Толстой размышляет о цели жизни, о ее назначении, о способах, средствах и приемах ее изменения, там, по Плеханову, мы имеем дело с Толстым-мыслителем. Именно в этом смысле употребляет Плеханов как понятие Толстой-художник, так и понятие Толстой-мыслитель. «Значение толстовской проповеди заключалось не в ее нравственной и не в ее религиозной стороне. Оно заключалось в ярком изображении той эксплуатации народа, без которой не могут существовать высшие классы. Эксплуатация эта рассматривается Толстым с точки зрения того нравственного зла, которое она причиняла самим эксплуататорам. Но это не мешало ему изображать ее со своим обычным, т. е. гигантским талантом. (Курсив наш — Р. К.).

Что хорошего в книге «Царство божие внутри нас?»

То место, где описывается истязание крестьян губернатором. С чем можно согласиться в брошюре «Какова моя жизнь?». Едва ли не только с тем, что говорится в ней о тесной связи даже самых невинных развлечений господствующего класса с эксплуатацией народа. Чем трогает читателя статья «Не могу молчать!» Художественным описанием казни двенадцати крестьян. Как и все «абсолютно последовательные» христиане, Толстой — крайне плохой гражданин. Но когда этот крайне плохой гражданин начинает со свойственной ему силой анализировать душевное движение представителей и защитников существующего порядка; когда он разоблачает все вольное и невольное лицемерие их беспрестанных ссылок на общественное благо, — тогда на его счет приходится занести огромную гражданскую заслугу. Он проповедует непротивление злу насилием, а те его стра-

ницы, которые подобны только что указанным мною, будят в душе читателя святое стремление выставить против реакционного насилия революционную силу. Он советует ограничиваться **оружием критики**, а эти его превосходные страницы, безусловно, оправдывает самую резкую **критику посредством оружия**. Вот что — и только это — дорого в проповеди графа Л. Толстого».¹

Аналогичную картину в смысле наличия противоречий между мыслью и искусством — в вышеозначенном смысле этих слов — Плеханов видит и в художественных произведениях Толстого. И разницу между первыми и вторыми в данном случае Плеханов видит не в отсутствии или наличии вообще в каком-либо из них какой-либо из сторон противоречий, а в том, что в произведениях первого порядка доминирующее место отводится именно учению, а не искусству, тогда как во втором случае они меняются местами, и в художественных его произведениях ведущим становится искусство, а не учение.²

В необходимости противопоставления Толстого-мыслителя Толстому-художнику Плеханова убеждали и результаты, и последствия его анализа способов и приемов мысли Толстого в первом и во втором случаях его творческой деятельности. Выясняя теоретические корни, причины и предпосылки толстовского учения о «непротивлении злу насилием», Плеханов прежде всего указывает на идеализм и метафизику великого писателя. Плеханов убедительно доказал, как именно метафизичность мысли помешала Толстому взглянуть на жизнь и нужды окружающего мира именно с исторической точки зрения, понять и объяснить исторические задачи времени, прописать нужные лекарства для излечения общественных болезней. Метафизику эту Плеханов совершенно справедливо видел в данном случае главным образом в абсолютизации Толстым таких относительных понятий, как «добро» и «зло». Именно непонимание необходимости конкретно-исторического подхода к понятиям «добро» и «зло», непонимание относительного, преходящего, изменчивого характера содержания этих понятий привели Толстого, по убеждению Плеханова, к тем выводам, к которым он пришел в действительности.

Критикуя М. Неведомского и других холопов, выпячивавших в Толстом слабые стороны приемов его мысли и выдававших их за заслуги великого художника, Плеханов писал: «Толстой в самом деле был «абсолютно последовательным» ме-

тафизиком. Но именно это обстоятельство было главным источником слабости Толстого, именно благодаря ему он остался в стороне от нашего освободительного движения; именно благодаря ему он мог сказать о себе, — и, конечно, с полной искренностью, — что он так же мало сочувствует реакционерам, как и революционерам... И само собой понятно также, что именно «абсолютная последовательность» Толстого делала его учение «абсолютно» противоречивым. Почему не следует «противиться злу насилием»? «Потому, — отвечает Толстой, — что нельзя огнем тушить огонь, водою сушить воду, злом уничтожать зло». Это именно та «абсолютная последовательность, которая характеризует собой метафизический способ мышления. Только у метафизика могут приобретать абсолютное значение такие относительные понятия, как зло и добро».¹

Выясняя роль отрицательного влияния идеализма и метафизики на результаты мышления Толстого в области его учения, Плеханов в то же время замечает, что творчество Толстого, по сравнению с его учением, в данном случае выигрывает именно потому, что оно лишено этих недостатков.

«Прошу заметить, — писал Плеханов, — что я говорю о приемах его мысли (речь идет о их метафизичности), а не о приемах его творчества. Приемы его творчества были совершенно чужды указанного недостатка, и он сам смеялся над ним, встречая его у других художников».²

Наконец, еще одно обстоятельство, которое не было замечено критиками, но имеет решающее значение для понимания сущности плехановского противопоставления Толстого-мыслителя Толстому-художнику. Речь идет о так называемом **основании** деления противоречий. И в самом деле, почему критикам кажется, что в своем делении Толстого на Толстого-мыслителя и Толстого-художника Плеханов приходит в полное противоречие с ленинской оценкой Толстого. Потому, говорят они, что такая постановка вопроса «исключает» взаимообусловленность и взаимопроникновение сильных и слабых сторон в мировоззрении Толстого, которые находили свое выражение и в художественных произведениях Толстого, и в его публицистике. По той же причине, по убеждению критиков, оно несовместимо с ленинской оценкой Толстого, поскольку Ленин прямо указывал на наличие и сильных, и слабых сторон как в художественных произведениях Толстого, так и в публицистике, во всей его школе. Поскольку Ленин действительно указывал на противоречивый ха-

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2., М., 1958, стр. 412.

² Во избежание всяких кривотолков тут же следует еще раз подчеркнуть, что как само употребление понятий «искусство» и «учение», так и их противопоставление имеют относительный, а не абсолютный характер.

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 399.

² Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 398.

рактар всего творческого наследия Толстого, то создается впечатление о справедливости предъявленного критиками обвинения Плеханову. Но стоит только поразмыслить над тем, из чего, собственно, исходили и Ленин, и Плеханов, что они брали за основу деления, как сразу же обнаруживается несостоятельность этого обвинения. Ленин здесь говорит просто о факте различного рода противоречий, которыми проникнуто все творчество Толстого. Плеханов же, не отрицая наличия различного рода противоречий в творчестве Толстого и, не отказываясь от их исследования вообще, в данном случае отдается анализу одного из частных вопросов. А именно, анализу прогрессивных и реакционных сторон творческого наследия Толстого в наиболее общей их постановке; выяснению вопроса о том, какие стороны творческой деятельности великого художника приемлемы для пролетариата и какие — нет, что из этого творчества близко и дорого пролетариату и что — нет. При этом правомерность постановки вопроса Плехановым именно в этом плане тем более станет очевидной, если только вспомнить то обстоятельство, что работы его были вызваны к жизни необходимостью борьбы против тех открытых и скрытых защитников существующего строя, которые свои гнусные планы хотели прикрыть именем великого художника, изображая его учителем жизни.

«Просто любят» его (с большей или меньшей степенью искренности и интенсивности) идеологи высших классов, т. е. те, которые сами готовы удовольствоваться отрицательной нравственностью и которые, не имея широких общественных интересов, стремятся наполнить свою душевную пустоту разными религиозными исканиями. А «отсюда и досюда» любят Толстого те сознательные представители трудящегося населения, которые не довольствуются отрицательной нравственностью и которые не имеют никакой нужды мучительно доискиваться смысла своей жизни, так как они давно уже «радостно» нашли его в движении к великой общественной цели».¹

Правомерность постановки вопроса именно в этом аспекте подтверждается и следующим местом из статьи Ленина «Толстой и пролетарская борьба». «Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в учении Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения. Это нужно понять, чтобы идти вперед.

Этому-то движению мешают все те, кто объявляет Толстого «общей совестью», «учителем жизни». Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать про-

тивореволюционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как «учителе жизни», повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы».

«Только тогда добьется русский народ освобождения, — продолжает Ленин, — когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться, добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой, и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, — у пролетариата».¹

Сопоставление одной этой выдержки из Ленина с вышеприведенными выдержками из Плеханова уже не оставляет никаких сомнений в полном единодушии и согласии между ними по анализируемому здесь вопросу. Если исходить из тех основных доводов и соображений, из которых исходил сам Плеханов в своем противопоставлении Толстого-художника Толстому-мыслителю, иметь в виду то содержание и тот смысл, который он вкладывал как в сами понятия, так и в их противопоставление, то можно категорически заявить, что Плеханов не только имел право на такое противопоставление, а скорее не имел права не делать этого. Ибо, как обхождение вопроса, так и любое иное его решение в определенной мере было и отходом от марксизма и отступлением от требований диалектики.

Повторяем, обосновывая деление и классификацию противоречий у Толстого, Плеханов тем самым ставит вопрос о ценности, полезности и приемлемости творчества Толстого для пролетариата. Иначе говоря, при анализе и оценке творческого наследия великого художника, Плеханов прежде всего исходил из того, какие именно стороны творческой деятельности Толстого — при наиболее общей постановке этого вопроса — полезны и приемлемы для пролетариата и какие нет. И он сделал правильно, что поставил и решил этот вопрос именно так, а не иначе. Обвинение, предъявленное критиками Плеханову, было бы правомерным и законным, если бы он действительно не заметил никаких противоречий у Толстого, кроме отмеченного выше, замкнулся бы в нем, не пошел бы дальше и глубже в своих исследованиях. Но в действительности-то оказалось наоборот. Плеханов не только указывал на множественный и сложный характер толстовских противоречий, но их конкретному анализу и объяснению он посвятил ряд своих работ. И в данном случае не может быть обойдена роль Плеханова в объяснении творческого наследия Толстого только потому, что он в основном занимается анализом противоречий именно в учении, а не в художественных произведениях писателя.

Плеханов понимал, что имеются сильные и слабые стороны как в учении Толстого, так и в его художественных произведениях,

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 377.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 324.

что соотношение этих сторон в первом и во втором случаях не одно и то же, что если главное содержание в художественных произведениях Толстого составляют именно положительные элементы, то в учении его, наоборот, ведущее место занимают отрицательные. В художественных произведениях Толстого реальная жизнь с присущими ей противоречиями не могла не найти должного отражения. И действительно, это отражение в его художественных произведениях достигло такой вершины, такого художественного совершенства, что реакционные стороны мысли самого художника для читающей публики почти теряют свою силу, свое значение. В этих его произведениях, если можно так выразиться, объективное преобладает над субъективным у художника, первое как бы подавляет второе. Но этого-то нельзя сказать ни относительно публицистики Толстого, ни тем более относительно его учения как такового. Здесь мы обнаруживаем прямо противоположную картину, когда по силе воздействия и значимости на передний план начинают выдвигаться именно мысли и идеи, а не искусство.

VIII.

Конечно, если исследователя, посвятившего не монографии, а всего лишь статьи такому сложному вопросу, как анализ положительных и отрицательных сторон творческого наследия писателя с мировым именем, можно обвинять в отдельных упущениях, то это обвинение в полной мере применимо к трудам Плеханова о Толстом. Подобный «недостаток» действительно содержится в работах Плеханова о Толстом. И этого, собственно, не отрицал и сам Плеханов, писавший, что «у него (т. е. у Толстого — Р. К.) так много противоречий, что все равно за всеми не угоняешься».¹

Сознавая физическую невозможность сколько-нибудь полно охватить все присущие творчеству Толстого противоречия в рамках статей и потому, не задаваясь этой целью, Плеханов останавливает свое внимание главным образом на анализе учения Толстого.

Общую оценку учению Толстого, как мы видели выше, Плеханов дает отрицательную, считая его реакционным и неприемлемым для пролетариата. Причем, Плеханов в полном согласии с Лениным считает его таковым потому, что оно по существу больше способствует увековечению социального и духовного неравенства между людьми, нежели его ликвидации. Гуманист Толстой искренне хотел облегчить положение трудящихся масс, ликвидиро-

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 379.

вать эксплуатацию человека человеком, но предлагаемые им средства и способы нисколько не способствовали практическому претворению в жизнь его благих намерений.

И в самом деле, в чем заключается сущность учения Толстого?

Она заключается именно в его христианско-религиозной проповеди «непротивления злу насилием». Но в эпоху классового господства, подавления и неравенства кто может пользоваться в полной мере этим лозунгом? Разумеется, только господствующие классы. Учение это реакционно, а потому и неприемлемо для пролетариата, поскольку оно сеет дух пассивного отношения к жизни, не допускает активного вмешательства в жизнь в целях ее преобразования, отвлекает людей от непосредственной борьбы за переустройство общественных отношений. И это тогда, когда русский рабочий класс бесповоротно готовился к активному штурму устоев царского самодержавия. В таких условиях Толстой, настаивая на своем учении, незаметно для себя переходит на сторону им же самим осуждаемых сил.

Нравственная проповедь Л. Толстого вела к тому, писал Плеханов в статье «Карл Маркс и Лев Толстой», что, поскольку «он занимался ею — он, сам того не желая и не замечая, переходит на сторону угнетателей народа».

Вот почему Ленин писал, что «Толстой с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата».¹

То же самое пишет Плеханов: «С Толстым-художником тоже может быть страшно, но только не мне и вообще не людям моего образа мыслей; нам с ним, напротив, очень «радно». А вот с Толстым-мыслителем нам действительно страшно. То есть, чтобы выразиться точнее, было бы страшно, если бы мы могли «жить» Толстым-мыслителем. К счастью, об этом не может быть и речи: наша точка зрения прямо противоположна точке зрения Толстого».²

Однако, из этой резко отрицательной характеристики, данной Лениным и Плехановым учению Толстого в целом, еще не вытекает, что в нем нет никаких положительных элементов. Поэтому, не ограничиваясь общей характеристикой учения Толстого, Ленин и Плеханов приступают к разбору этого учения более подробно и детально, рассматривают его в различных аспектах.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 323.

² Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 370.

А положительные элементы в учении Толстого содержатся даже в самом реакционном его лозунге «непротивления злу» хотя бы в том отношении, что лозунг этот предполагает факт наличия зла. Причем, как видно из содержания работ Толстого, писатель это зло относит, главным образом, на счет господствующих классов, так жестоко эксплуатирующих и притесняющих трудящихся. Говоря о непротивлении злу насилием, Толстой внутренне и субъективно стоит не за увековечение этого зла, хотя объективно получалось именно так. В эпоху классового неравенства по самому ходу общественного развития носителями эксплуатации, притеснения и насилия оказываются именно господствующие классы. В разоблачении и бичевании Толстым внутренней лжи и фальши «всех тех учреждений, при помощи которых держится современное» ему общество, Ленин и Плеханов усматривали именно положительные стороны учения Толстого.

«Учение Толстого, — писал Ленин, — безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим,¹ ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов».²

Ту же мысль Плеханов выражает таким образом:

«Лучшие страницы в сочинениях того периода деятельности Толстого, который можно назвать религиозным периодом, посвящены изображению и разоблачению многочисленных физических и нравственных зол, порождаемых собственностью, основанной на эксплуатации одного общественного класса другим. И несомненно, что эти лучшие страницы привлекли к нему горячее сочувствие многих и многих читателей. Пролетариат чтит в Толстом едва ли не главным образом, автора этих замечательных страниц».³

Поскольку значение этой критики Толстым существующих порядков общественной жизни для пролетариата заключалось в том, что он лучше узнавал своих врагов, нагляднее узревал их через яркие картины Толстого, и тем самым увеличивалась революционная активность масс, то встает вопрос: каково же отношение самого Толстого к результатам своей критики? Отвечая на этот вопрос, Плеханов совершенно справедливо замечает, что это отношение у абсолютно последовательного сектанта Толстого **может быть только отрицательным.** «...Написанная великим художником яркая картина совершаемых палачами жестокостей, — пишет Плеханов, — возбудила против правительства общественное мнение и тем несколько увеличила шансы нового подъема у нас

¹ В данном случае Ленин имеет в виду не научный, а утопический социализм.

² В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 32.

³ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 394—395.

революционного движения. Но, при своем отрицательном взгляде на это движение, «абсолютно последовательный» Толстой не мог хотеть этого побочного результата».¹ Следовательно, Толстой критикует существующие порядки не для того, чтобы кто-то прилагал насилие к их исправлению. Нет. Единственно разумным и целесообразным средством в этом плане Толстой признает только принцип самоусовершенствования. А что выходило за рамки этого принципа, все это объявлялось Толстым ненужным, вредным и бесполезным. Отсюда и его осуждение русского освободительного движения, его «омерзение» и пренебрежение революционной деятельностью русской интеллигенции.

Но поскольку критика Толстого независимо и вопреки субъективным его желаниям и намерениям все же подымает революционный дух пролетариата, а сам Толстой не признает насилия, отрицает его, как средство воздействия, то между этими двумя тенденциями у Толстого Плеханов обнаруживает противоречие. Анализируя отношение самого Толстого к толстовству, Плеханов замечает, что хотя Толстой в основном и является толстовцем, но в его творчестве немало таких элементов, когда он приходит в явное противоречие с толстовством. И в той мере, в какой его творческое наследие способствует и помогает поднятию революционного духа народных масс, усиливает и разжигает их ненависть к существующим порядкам общественной жизни, ровно в той мере Толстой перестает быть толстовцем. Дело еще больше осложняется тем обстоятельством, что Толстой, считая внутренний мир человека абсолютно независимым от внешнего мира, не допускает какого-либо внешнего воздействия на этот внутренний мир в целях его преобразования и изменения. «...Как бы человек ни был виноват, — пишет Толстой по этому поводу, — никакие споры с ним, ни обличения, ни увещевания сами по себе не в силах заставить его покаяться, так как каяться человек может только сам, другой же никак не может его раскаять».

Приводя эту выдержку из произведения Толстого «К рабочему народу», Плеханов спрашивает: но «если никакие споры, ни обличения, ни увещевания сами по себе не в силах заставить человека покаяться, то нужно ли спорить, обличать, увещевать? Если один человек никак не может «раскаять» другого, то нужно ли распространять свои идеи? У Толстого выходит, что совсем не нужно...

Но в таком случае, какой же смысл имеет знаменитое толстовское «Не могу молчать!»? Какой смысл имеет та его проповедь против смертной казни, которая привлекла к нему горячие симпатии во всех странах цивилизованного мира?» И сам же

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 401—402.

отвечает: «Только тот, что Толстой не всегда оставался толстовцем. Только тот, что, провозгласив независимость внешнего мира чело века от внутреннего, он вынужден был по временам признавать эту зависимость».¹

Отсюда и вопрос об отношении Толстого к первой русской революции, к характеристике которого мы и перейдем теперь.

IX.

В литературе, относящейся к этому вопросу, утвердилось убеждение в полной противоположности точек зрения Ленина и Плеханова по данному вопросу. Убеждение это Розенталь форму лирует таким образом:

«Плеханов писал, что Толстой никакого отношения к революции не имел. Ленин называл Толстого «зеркалом русской революции».

Уже одного этого достаточно, чтобы достойно оценить рассуждения тех неудачливых теоретиков, которые, вопреки фактам, утверждают, что между Плехановым и Лениным в оценке Толстого нет никакого различия».²

Первое, что можно сказать относительно этого заявления Розенталя, это то, что оно не совсем точно в отношении Плеханова. Плеханов писал, что Толстой «остался в стороне от нашего освободительного движения», что он враг этого движения, что оно полностью осуждает «все наше освободительное движение» и т. д. Все это, безусловно, содержится в работах Плеханова. Но это еще не то, что говорит Розенталь. Это не утверждение того, что Толстой никакого отношения к революции не имел. Ибо тот, кто осуждает, уже имеет отношение к осуждаемому, так как осуждение уже есть отношение. Но если даже исходить из наиболее выгодных для Розенталя обстоятельств и вследствие родственности выражений: «остался в стороне» и «не имеет никакого отношения», допустить вместо собственного словоупотребления Плеханова розенталевское, то и тогда Розенталь не выигрывает. Ибо в таком случае Розенталь допускает логическую ошибку, заключающуюся в том, что в данном умозаключении у Розенталя по существу нет среднего термина, или точнее, средний термин здесь не распределен. А нераспределенность среднего термина в умозаключении уже доказывает нарушение элементарных требований законов формальной логики. Розенталь, безусловно, был бы прав, если бы он смог доказать, что Ленин и Плеханов, говоря об отношении Толстого к революции, рассматривали его в одном и том же аспекте. Но этого и не смог доказать Розенталь, потому что в действительности

дело обстояло не так. Когда Плеханов говорил, что «Толстой остался в стороне от нашего освободительного движения», а Ленин назвал его «зеркалом» этой революции, то они рассматривали Толстого в различных аспектах. А именно, Ленин здесь имел в виду отношение Толстого к революции вообще, тогда как Плеханов имеет в виду отношение Толстого к революции в смысле преднамеренного, сознательного одобрения революции и приложения каких-либо усилий со стороны Толстого для дела торжества революции в России. При этом, Плеханов имеет в виду Толстого не в целом, не все его творчество, а лишь его учение, его доктрину, называемую «толстовством».

Что в целом Плеханов допускал, а не отрицал огульно какие-то связи и отношения Толстого к революции—это факт, который не может вызывать никаких сомнений. Больше того, Плеханов не только допускал сам факт наличия определенных связей и отношений Толстого к революции, но все его статьи о Толстом посвящены в основном именно анализу положительных и отрицательных элементов и сторон толстовского отношения к революции.

Отношение Толстого к революции Плеханов связывает с его отношением к толстовству и неопровержимо доказывает, что Толстой, конечно, является толстовцем, хотя и вовсе не последовательным, и в той мере, в какой является толстовцем, он является и врагом русского освободительного движения. Сущность толстовства заключается в «непротивлении злу насилием», в требовании нравственного самоусовершенствования, и человек, верующий в разумность и целесообразность именно этих средств, в то же время не может не быть врагом революционных средств изменения существующего строя, как средств насилия. И Толстой так и поступает. Проводя знак равенства между революционерами и правительственными палачами в применении насилия, Толстой в равной мере осуждает и первых, и вторых. Для него в этом отношении не существует абсолютно никакой разницы между этими противоположными друг другу силами. Ибо для Толстого неважно, во имя чего прилагается и используется насилие. Он убежден в одном, и этого для него достаточно, что насилие в любом виде своего проявления есть зло, а злом зло лечить так же невозможно, как невозможно тушить огонь огнем, сушить воду водой. Понятно, что только человек, убежденный до ослепления в истинности своей абсолютизации таких относительных понятий, как «добро» и «зло», мог поставить на одну доску с царскими палачами участников русского освободительного движения, объявить суровую, но совершенно справедливую и благородную борьбу последних плодом «эгоистических, животных побуждений».

«...Большинство людей, — писал Толстой относительно участников русского освободительного движения, — действующих те-

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 383—384.

² М. М. Розенталь. «Вопросы эстетики Плеханова», стр. 110.

перь в России под предлогом самых разноречивых соображений о том, в чем заключается благо общества, в сущности руководятся только своими эгоистическими, почти животными побуждениями».

И прав был Плеханов, характеризуя это заявление Толстого как самый строгий и в то же время самый несправедливый среди тех приговоров, которые не раз приходилось слышать революционерам в свой адрес.

«Более строгого приговора не выносили нашему освободительному движению даже и самые злые его враги из лагеря правых... Толстой пошел в этом случае дальше крайних правых». Но это поведение Толстого Плеханов считает вполне понятным и закономерным.

«Я думаю, — продолжает Плеханов, — что его точка зрения и не позволяет ему отнестись к нашему освободительному движению иначе, нежели он относится... Я давно знаю, что Л. Н. Толстой — «толстовец», и я прекрасно понимаю, что всякий истинный «толстовец» не может не быть врагом движения, подобного тому, которое совершается теперь в нашей стране: **всякое сектанство имеет свою логику**. И я вовсе не хочу оспаривать здесь «толстовство»; я не хочу доказывать, что его логика несостоятельна. Кто же из нас, сторонников освободительного движения, этого не знает?»¹

Но Плеханов не останавливается на этом. В своей критике позиции Толстого он идет глубже. Плеханов отмечает, что в данном случае Толстой субъективно выступает против защитников царского самодержавия и против революционеров в той мере, в какой они прилагают насилие. Но при существовании насилия требование непротивления злу насилием объективно и по существу есть защита этого насилия, есть переход на сторону душителей.

«Разумеется, было бы несправедливо утверждать, — пишет Плеханов, — что он (Толстой—Р. К.) не сочувствовал избиваемым. У нас нет никакого основания не верить ему, когда он говорит, что ему одинаково жаль и ребенка, которого истязает мать, и матери, которая испытывает муки злости. Но если перед вами один человек душил другого и если «одинаково» сочувствуете им обоим, то вы тем самым показываете, что на самом деле вы, незаметно для себя, более сочувствуете душителю, нежели душимому. А если вы при этом, обращаясь к окружающим, говорите, что было бы безнравственно защищать душимого насилием и что единственное позволительное и «действительное средство» состоит в нравственном исправлении душителя, то вы еще более переходите на сторону этого последнего».²

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 361.

² Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 404—405.

Толстой прямо завлает о себе, что он так же мало сочувствует реакционерам, как и революционерам, что на всякие насилия и убийства, с какой бы стороны и во имя чего бы они не происходили, он смотрит с омерзением.¹ Он не уставал внушать массам, что «людям бывает дурно только от того, что они сами живут дурно. И нет ничего вреднее для людей той мысли, что причины бедственности их положения не в них самих, а во внешних условиях. Стоит только человеку или обществу людей вообразить, что испытываемое им зло происходит от внешних условий и направить свое внимание и силы на изменение этих внешних условий, и зло будет только увеличиваться. Но стоит человеку или обществу людей искренне обратиться на себя и в себе и в своей жизни поискать причины того зла, от которого он или оно страдает, и причины эти тотчас же найдутся и сами собой уничтожатся».²

Поэтому Плеханов и был абсолютно прав, когда заявил, что «Нравственная проповедь графа Л. Толстого вела к тому, что — поскольку он занимался ею — он, сам того не желая и не замечая, переходил на сторону угнетателей народа».³

Все сказанное здесь Плехановым о Толстом относится, повторяем, не ко всему творчеству великого писателя, а к той стороне его деятельности, где Толстой выступает именно как «толстовец», как проповедник непротivления злу насилием. Но поскольку непоследовательность и противоречивость Толстого нашли свое выражение и в его учении, то Плеханов, наряду с определением отрицательных сторон этого учения, указывает и на положительные его элементы. Эти положительные стороны творчества Толстого Плеханов видит там, где Толстой отказывается от своего учения о жизни, переставал быть толстовцем, поскольку написанные им яркие картины совершаемых в общественной жизни жестокостей будили и активизировали народные массы на революционную борьбу против существующих порядков. Плеханов замечает, что в своем учении Толстой выступает в основном именно как «толстовец», как наиболее активный и откровенный борец за свое учение, и именно этим определяется тот факт, что основной стержень этого учения составляют элементы отрицательные и реакционные. Но Толстой нередко незаметно для себя переставал быть «толстовцем» и переходил на противоположную «толстовству» сторону. И тогда Толстой, вопреки внутреннему духу своего учения, делал и творил то, за что потомки его будут ему благодарны навсегда. И все это вскрыто Плехановым с величайшим мастерством. Вот как он характеризует один из периодов творческой деятельности Толстого: «Лучшие страницы в сочинениях того периода деятельности Толсто-

¹ См. письмо Толстого к Стасову от 18 октября 1905 г.

² Л. Н. Толстой. «К рабочему народу», стр. 39.

³ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 405.

го, который можно назвать религиозным периодом, посвящены изображению и разоблачению многочисленных физических и нравственных зол, порождаемых собственностью, основанной на эксплуатации одного общественного класса другим. И несомненно, что эти лучшие страницы привлекли к нему горячее сочувствие многих и многих читателей. Пролетариат чит в Толстом, едва ли не главным образом, автора этих замечательных страниц. Но никогда не следует забывать, что когда Толстой писал эти страницы, он переставал быть толстовцем. Так что пролетариат, может быть, сам того не замечая, уважает в Толстом не того человека, который учил жизни, а того, который отказывался от своего учения о жизни. И бесспорно, Толстой заслуживает одобрения и уважения за это. Но всегда следует помнить, что едва заходила речь о том, как же устранить те многочисленные физические и нравственные страдания, которые он так хорошо описывал, — и причину которых ему так ясно указывали социалисты, — он опять покидал точку зрения «временного» и возвращался в бесплодную пустыню квиетизма.¹

Итак, Плеханов ясно представлял себе, что Толстой имеет прямое отношение к революции. Но прямое именно в вышеотмеченном смысле.

Какова же точка зрения Ленина по этому вопросу и как она соотносится с плехановской?

Вопреки столь категорическому заявлению Розенталя о их полной противоположности, факты свидетельствуют именно о полном единодушии Ленина и Плеханова по данному вопросу. И в самом деле, каким образом доказывает свой тезис Розенталь? Оказывается, единственно простой ссылкой на тот факт, что Ленин назвал Толстого «зеркалом русской революции», а Плеханов писал, что Толстой «остался в стороне» от революции. Но если бы Розенталь в данном случае преодолел в себе элементы тенденции озноности, то он не мог бы не заметить, что даже ту свою работу, где Ленин называет Толстого зеркалом революции, он начинает с указания на то, что Толстой не понял революции, отстранился от нее.

«Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, — пишет Ленин, — может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно?»² Что же касается последней его работы — «Л. Н. Толстой и его эпоха», которая писалась Лениным почти одновременно с плехановской работой «Смещение представлений», то здесь в еще большей мере проявляется единство мыслей Ленина

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 394—395.

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 179.

и Плеханова. Мысли их настолько совпадают, что внешне создается даже впечатление простой перефразировки одних и тех же идей. И собственно, зачем нам говорить о них. Лучше здесь дадим аналогичные места из работ Ленина, и пусть читатель судит сам.

«Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим (социалистическим в смысле утопического, а не научного—Р. К.), ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов».

И далее продолжает Ленин:

«Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения **вопреки реакционным и утопическим чертам толстовства**. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло не мало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, после того, как ряд указанных выше событий положил конец «восточной» неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узко-классовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи «веховцев» среди либеральной буржуазии, — когда эти идеи заразили даже часть почитай—что марксистов, создав «ликвидаторское» течение, — в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляции к «духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред».¹

Следовательно, Толстого Ленин называет «зеркалом русской революции» не в смысле правильного понимания сущности и задач этой революции и не в смысле сознательного приложения каких-либо усилий во имя торжества этой революции, а всего лишь в смысле отражения той психологии, того настроения патриархального русского крестьянства, которое складывалось у него под действием социальных изменений в России.

«В произведениях Толстого, — писал Ленин, — выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабе-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 32—33.

жа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти...

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивно-крестьянству, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг.»¹

Сказанное, на наш взгляд, довольно убедительно свидетельствует о полной солидарности между Лениным и Плехановым по этому вопросу.

Ленин и Плеханов видели близость Толстого к революционерам в его горячем, страстном, искреннем протесте против устоев существующего порядка жизни, в его «изображении и разоблачении многочисленных нравственных зол, порождаемых собственностью, основанной на эксплуатации одного общественного класса другим», в его стремлении построить мир разума и справедливости на земле. Отдаленность же Толстого от революционеров и Ленин, и Плеханов усматривали прежде всего в противоположности их воззрений относительно способов и приемов претворения своих идеалов в реальную действительность, в противоположности направления движения к миру разума и справедливости. Толстой все сводит здесь к требованию нравственного самосовершенствования, а революционеры, зная зависимость нравственных норм от условий существования людей, направляли свои усилия к созданию соответствующих материальных и духовных предпосылок для выработки новых норм нравственности. Толстой проповедовал «непротивление злу насилем», а революционеры будили в народных массах стремление выставить против реакционного насилия революционную силу. Толстой предлагает ограничиться оружием критики, революционеры оправдывают «критику посредством оружия».

Все это и дало право Толстому заявить о себе:

«Мы часто обманываемся тем, что, встречаясь с революционерами, думаем, что мы стоим близко—рядом. «Нет государства!» — «Нет государства» — «Нет собственности!» — «Нет собственности», — «Нет неравенства!», — «Нет неравенства» и многое другое. Кажется, все одно и то же. Но разница есть большая и даже нет более далеких от нас людей. Для христианина нет государства, для них нужно уничтожить государство. Для христианина нет собственности, а они сокрушить хотят собственность. Для христиана-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 294—295.

нина все равны, а они хотят уничтожить неравенство. Это как два конца несомкнутого кольца. Концы рядом, но более отдалены друг от друга, чем все остальные части кольца. Надо обойти все кольцо для того, чтобы соединить то, что на концах».

Приводя это место из «Спелых колосьев» Толстого, Плеханов замечает: «Здесь ошибочное перемешано с верным. Но ошибочное здесь не существенно, а верное крайне важно... А в важном Толстой был совершенно прав. Не было и нет людей, более далеких от него, нежели современные социалисты... Вернее — те из них, которые вполне усвоили себе смысл своих собственных теоретических взглядов и своих собственных практических стремлений. Нельзя лучше выразиться: «это как два конца несомкнутого кольца... Надо обойти все кольцо для того, чтобы соединить то, что на концах. Кто не понимает этого, тот повинен в смешении представлений».¹

Х.

В органической связи с проблемой отношения Толстого к революции рассматривали Ленин и Плеханов и вопрос о классовой принадлежности писателя. Ленин, затрагивая проблему творческой эволюции Толстого в плане отношения великого писателя к различным социальным классам и слоям в России, указывал, что хотя «по рождению и воспитанию Толстой» и «принадлежал к высшей помещицкой знати в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и в своих последних произведениях обрушился со страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще».² Плеханов же утверждал, что Толстой «был и до конца жизни остался большим баринном». На первый взгляд расхождение между Лениным и Плехановым в этом пункте кажется абсолютно бесспорным. Это заявление Плеханова навлекло на него немало упреков и нареканий. Так, например, С. П. Бычков по этому поводу пишет:

«Критик (т. е. Плеханов — Р. К.) резко и прямолинейно заявлял: «Л. Толстой — барин до конца ногтей даже там, где он кажется революционером. В его отрицании нет ни одного атома новаторских стремлений»; и заключает отсюда, что «таким образом, Плеханову осталась чуждой ленинская мысль о социальной эволюции Толстого, приведшая его к разрыву со своим классом, он настойчиво отказывал великому писателю в самой возможности перехода на позиции патриархального крестьянства».³

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 395—396.

² В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 301.

³ С. П. Бычков. Предисловие к сборнику «Л. Н. Толстой в русской критике», М. 1960, стр. 46.

Едва ли можно считать правомерным такое резкое и прямолинейное заявление Бычкова.

Чтобы разобраться в вопросе по существу, надо прежде всего выяснить, что означают слова Ленина о том, что Толстой «порвал со всеми привычными взглядами» «высшей помещичьей знати» и перешел на «точку зрения патриархального, наивного крестьянства», и как относился Плеханов к этому переходу. Действительно ли закрывает Плеханов своим заявлением о барстве Толстого двери великому художнику к выражению интересов патриархального крестьянства или нет?

Что ленинское указание относительно перелома в мировоззрении Толстого в данном случае означает переход Толстого на точку зрения патриархального крестьянства — это не вызывает никаких сомнений. Но означает ли это утверждение Ленина полное отрицание каких-либо элементов некрестьянского мирозерцания в творчестве Толстого после известного перелома в мировоззрении писателя или нет? С другой стороны, означает ли заявление Плеханова о том, что Толстой был и до конца жизни остался большим баринем, что великого художника волновали интересы только класса помещиков и что его несколько не задевали интересы эксплуатируемых масс?

Думается, что ни ленинское указание относительно перехода Толстого на точку зрения патриархального крестьянства не означает отрицания черт барства в миропонимании писателя, ни плехановское заявление относительно барства Толстого не означает полного отрицания выражения интересов эксплуатируемых масс в творчестве великого писателя.

Произведения Толстого не приобрели бы такого мирового значения, если бы в них выражено было только то, что можно увидеть глазами забитого, наивного, патриархального крестьянства. И мы согласны с С. Деркачом, который пишет, что Ленин, говоря о переломе в мировоззрении Толстого, «имел в виду тот факт, что Толстой выступил как выразитель настроений многомиллионных крестьянских масс, придавленных крепостниками, но отсюда вовсе не следует, что он не замечал других, некрестьянских черт мировоззрения писателя: назвал же он его «помещиком, юродствующим во Христе».¹

Что касается Плеханова, то и он был далек как от мысли объяснить все слабости Толстого барством его, так и от попыток отрицать известный перелом в мировоззрении писателя. Плеханов не только не отрицал «переворота», который случился с Толстым в начале 80-годов, но и считал его вполне закономерным для Толстого

¹ С. С. Деркач. «Г. В. Плеханов о Льве Толстом». Вестник Ленинградского университета, № 8 за 1961 г. Серия истории, языка и литературы, выпуск 2, стр. 102.

ибо «зародыши» его «давно уже зрели в душе» писателя. Вслед за этим Плеханов переходит к объяснению сущности этого переворота. И видит он ее в первую очередь в том, что «прежде этот большой барин спокойно пользовался теми жизненными благами, которые доставляло ему его привилегированное положение, а потом... он пришел к тому убеждению, что эксплуатация народа, служащая источником этих благ, безнравственна».¹ В 1911 году, возвращаясь к этому же вопросу и уточняя сущность новой точки зрения писателя, в статье «Еще раз о Толстом» Плеханов пишет:

«Итак, «переворот» состоял, **во-первых**, в том, что жизнь высшего класса не только опротивела Толстому, но потеряла в его глазах всякий смысл; **во-вторых**, в том, что жизнь трудящегося народа получила для него большую привлекательность, а смысл, придаваемый трудящимся народом этой жизни, был признан им «истиной».² Далее Плеханов указывает, что, отказавшись от прежнего своего безучастного отношения к трудящимся массам страны, Толстой стал, с одной стороны, осуждать «тот период» своей литературной деятельности, в течение которого он был художественным бытописателем высшего сословия, как период «совершенно неизвинительной слабости», и, с другой стороны, «смотреть на народ, как на носителя высшей истины». В конце статьи Плеханов разъясняет, какое содержание вкладывал писатель в понятие «народ». «Когда Толстой говорил: «народ», он разумел именно крестьянина доброго старого времени, представлявшегося ему в виде все выносящего и все прощающего Платона Каратаева».³

Из сказанного видно, что по существу Плеханов разделял точку зрения Ленина относительно перехода Толстого на сторону патриархального крестьянства, что сам факт «переворота» в социальном мирозерцании писателя у Плеханова не вызывал абсолютно никаких сомнений. Но если это так, то какой же смысл имеет заявление, что «Толстой был и до конца жизни остался баринем»?

Нам это представляется таким образом. Когда Плеханов говорил о «перевороте» во взглядах Толстого, то он, так же, как и Ленин, имел в виду факт отказа Толстого от своего прежнего безучастного отношения к трудящимся и его перехода на сторону последних в смысле отражения их стремлений, психологии и настроений, в смысле внутреннего стремления писателя освободить трудящиеся массы от векового рабства и нищеты и вывести их на путь разума и справедливости, на путь такой общественной жизни, которая бы отвечала требованиям человеческого назначения на земле.⁴

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 376.

² Там же. стр. 417—418.

³ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 430.

⁴ Само это назначение Толстой понимал в христианском духе.

Отсюда его страстная критика общественных порядков, на которую указывал Ленин.

Когда же Плеханов писал, что Толстой был и до конца жизни остался барин, то он здесь имел в виду другую сторону вопроса. Он имел в виду предлагаемые Толстым средства и способы избавления масс от господствующих в общественной жизни многочисленных физических и нравственных зол, порождаемых социально-политическим неравенством людей. Плеханов указывал, что предлагаемые Толстым средства несколько не способствуют ликвидации тех общественных отношений, которые дают возможность русскому дворянству эксплуатировать многомиллионное русское крестьянство. Плеханов обвиняет Толстого в барстве не в смысле отрицания личного **сочувствия** великого художника эксплуатируемым массам, отрицания его субъективных стремлений избавить народные массы от многочисленных физических и нравственных зол и страданий, а в том смысле, что предлагаемые им средства и способы воздействия на общественную жизнь не только не расшатывали устой помещичьего общественного строя, а, наоборот, укрепляли его. Плеханов не мог простить Толстому, что он в решении данного вопроса не пошел дальше рассуждений «наивного крестьянина», что «ему еще не пришло в голову, что недостаточно самому воздержаться от эксплуатации народа, а нужно содействовать созданию таких общественных отношений, при которых исчезло бы деление общества на классы, а следовательно, и эксплуатация одного класса другим».¹

Субъективно Толстой от всей души желал помочь трудовому народу освободиться от помещичьего гнета и эксплуатации. Но внутренняя трагедия его жизни в том и заключалась, что вследствие метафизико-идеалистического мирозерцания он не мог претворить их в жизнь. Толстой по этому поводу в своем дневнике от 10 июня 1907 г. писал: «Все больше и больше, почти физически страдаю от неравенства, богатства, излишеств нашей жизни среди нищеты и не могу уменьшить этого неравенства. (Курсив наш — Р. К.). В этом тайный трагизм моей жизни».

Кроме того, ленинские слова относительно «переворота» в воззрениях Толстого абсолютно не означают полного и окончательного разрыва всех нитей и отношений писателя со своим классом. Когда Ленин говорит, что Толстой, по рождению и воспитанию принадлежащий «к высшей помещичьей знати», в ходе своих идейных исканий наконец «порвал со всеми привычными взглядами» и перешел на позицию патриархального крестьянства, став идейным выразителем его интересов, то это абсолютно не означает того, что с этого времени интересы помещичьей знати полностью отвергаются

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 376.

Толстым, что они его больше ни в какой мере не волнуют. Так было бы только в том случае, если бы великий писатель дошел до понимания классового анализа общественных отношений. Но беда Толстого в том и заключается, что он порвал со своим классом не вообще, а всего лишь с его «привычными взглядами», согласно которым деление общества на имущих и неимущих, эксплуатация человека человеком, порабощение и разорение крестьянских масс мыслились как нечто само собою разумеющееся, естественное и справедливое. Под давлением обострившихся общественных отношений между помещиками и крестьянами, под влиянием накипевшей у русского крестьянства ненависти к помещикам, его стремления к лучшему, его желания избавиться от прошлого, Толстой понял неправомочность претензий своего класса и неудовлетворительность общественного строя в целом и начинает страстно критиковать и обличать существующие порядки общественной жизни. Только в этом смысле и порвал Толстой со своим классом. И как раз это и подчеркнули как Ленин, так и Плеханов.

Они не отрицали того факта, что «переворот» совершился не во всем мирозерцании писателя, а только, если можно так выразиться — в части его. Так, например, в общеполитической позиции писателя в плане, допустим, противопоставления «вечного — временному», «духа — телу», «внутреннего — внешнему», в смысле эволюции в сторону правильного их разрешения, в мирозерцании нашего мыслителя в 80-х г. не произошло абсолютно никаких изменений; не произошло каких-либо существенных изменений и в общей доктрине писателя, называемой «толстовством». Отсюда и такое своеобразие творчества Толстого. Вскрывая «внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится все современное» ему общество, он объективно стоит на позициях защиты интересов трудящихся масс. Когда же этот Толстой прописывает рецепты спасения человечества, он, помимо своей воли, переходит на сторону им же самим осужденных общественных сил, объективно выступает в защиту ненавистного ему существующего социального и политического неравенства и несправедливости.

Не зная закономерностей общественного развития, все свои усилия и надежды в деле претворения в жизнь своих идеалов и стремлений к настоящей справедливой жизни Толстой возлагал исключительно на принципы нравственного самоусовершенствования. При этом Толстой совершенно справедливо считает главными виновниками и носителями существующих нравственных и физических зол и несправедливостей господствующие классы, а главной причиной и основой существующего в общественной жизни зла — эксплуатацию человека человеком. Что же надо сделать, чтобы ликвидировать это зло? Очевидно, надо подорвать те корни, которые порождают его. С этим соглашается и Толстой. Но он расхо-

дится здесь с революционерами только в средствах, способах и приемах ликвидации корней. И это самое главное. Он признает в этом деле единственное средство,—средство обращения людей на путь нравственного самоусовершенствования. Выходит так, что посколькy Толстой главной причиной зла считал наличие эксплуатации, а средством его ликвидации — обращение людей на путь нравственного самоусовершенствования, то в той мере, в какой он занимался своей нравственной проповедью, он в основном и занимался господствующими классами. Толстой полагал, что своей проповедью нравственного самоусовершенствования ему удастся поставить носителей зла на путь истины и тем самым ликвидировать зло. Это и дало право Плеханову заявить, что Толстой, «даже тогда, когда» он «обратил, наконец, свое внимание на отрицательную сторону дворянского быта и стал осуждать ее с точки зрения нравственности, он все-таки продолжал заниматься эксплуататорами, а не эксплуатируемыми. Кто не замечает этого, тот никогда не дойдет до правильного понимания его нравственности и его религии».¹

Еще одно обстоятельство, которое имеет важное значение для понимания позиций Плеханова в его объявлении Толстого барином до конца жизни. Речь идет о толстовском противопоставлении «вечного—временному», «духа—телу», «внешнего — внутреннему», и в этом плане о нравственной проповеди писателя.

Толстой, как метафизик по приемам мысли, абсолютно отрывает «вечное» от «временного», «дух» от «тела», «внутреннее» от «внешнего» и затем противопоставляет их друг другу. При противопоставлении этих парных категорий Толстой, как и всякий идеалист, основным и определяющим считает первые, а не вторые.

В той мере, в какой Толстой переносил это свое противопоставление «духа—телу», «вечного—временному», «внутреннего — внешнему» на общественные явления, исходил из него при анализе общественных взаимоотношений классов, он должен был больше сочувствовать из этих классов тем, которые страдают именно духом, а не телом. Это и понятно, ибо если Толстого, как и всякого идеалиста, при противопоставлении «духа — телу» больше трогают страдания духом, нежели телом, то перенесение и распространение этого принципа на социально-политические отношения прямой дорогой ведет именно к этому. Толстой в произведении «Спелые колосья» писал: «На известной ступени духовного развития человеку следует воздержаться от усиления в

себе чувства личной жалости к другому существу. Чувство это само по себе животное, и у чуткого человека оно всегда проявляется в достаточной силе без искусственного разжигания. Поощрять в себе следует сострадание духовное. Душа любимого человека всегда должна быть для меня дороже тела». (Курсив наш — Р. К.).

Чтобы определить, какие из этих классов больше достойны нашего сочувствия и сожаления, Толстой, как «идеалист-сектант» (мы специально подчеркиваем «идеалист-сектант» потому, что сказанное здесь также относится не ко всему творчеству), решает этот вопрос таким образом: при наличии эксплуатации одна часть общества страдает от материальных лишений, ибо часть продуктов ее труда присваивается другой частью общества. Но и вторым-то живется не так уж сладко. Они рано или поздно начинают понимать несправедливость и жестокость эксплуатации и начинают страдать от этого чувства. И таким образом получается, что от эксплуатации страдают как первые, так и вторые. Так что разница между эксплуататорами и эксплуатируемыми всего лишь в том, что первые страдают духовно, а вторые физически, материально. Толстого, как идеалиста, больше волнуют именно страдания духовные, он больше сочувствует эксплуататорам, нежели эксплуатируемым. А так как в России главным эксплуататорским классом был класс дворянства, а Толстой до конца жизни так и не отказался ни от своего противопоставления «вечного — временному», «духа — телу», «внешнего — внутреннему», ни от своих надежд и стремлений обратить людей на путь истины путем одной проповеди нравственного самоусовершенствования и тем самым искоренить зло как таковое, то это и давало право Плеханову считать Толстого до конца жизни барином.

Плеханов совершенно справедливо подметил, что только человек, привыкший «рассматривать угнетение под углом нравственного вреда, который оно приносит угнетателям», мог, умирая, сказать своей стране: «я не признаю за тобою никакого другого права, кроме права содействовать нравственному исправлению твоих мучителей».¹ Именно в этом смысле и считал Плеханов Толстого барином, и писал о нем, что графа Толстого, при всем его сочувствии крестьянам, «все-таки страдающие, крестьяне занимали... несравненно меньше, нежели те, которые заставляли их страдать, — то есть люди его собственного сословия — дворяне».²

В совокупности все эти мотивы и плюс еще резко отрицательное отношение Толстого к революции, осуждение им любых революционных средств борьбы против русского дворянства, дают право считать Толстого в определенном смысле «до конца

¹ Г. В. Плеханов. Сб., «Литература и эстетика», т. 2, стр. 413.

² Там же, стр. 407.

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 406.

жизни барином». Плеханов называет Толстого баринном не в смысле каких-либо сознательных намерений писателя увековечить существующие общественные порядки, не в смысле наличия каких-либо попыток у писателя преднамеренной защиты интересов своего класса и не в смысле субъективной жестокости его, не в смысле проявления равнодушия Толстым к страданиям русского крестьянства. Нет! Он называет его баринном только в той мере, в какой написанные рукой Толстого произведения нередко объективно шли вразрез со всеми прогрессивными стремлениями века и способствовали укреплению существующего общественно-го устройства.

«Именно потому, — писал Плеханов, — что все остальное принадлежит к области идеологии (кроме критических элементов и сторон творчества писателя—Р. К.), совершенно несовместимой с идеологией сознательного пролетариата, именно поэтому, — идеологи высших классов имели нравственную возможность «преклониться» перед проповедью графа Л. Толстого. Правда она клеймила их недостатки. Но тут еще нет очень большой беды. Ведь многие христианские проповедники тоже клеймили недостатки высших классов, однако это не мешает христианству оставаться религией современного классового общества. Главное—то, что Толстой советует не противиться злу насильем»¹.

Следует подчеркнуть, что Плеханов, совершенно справедливо считая отмеченную здесь сторону учения Толстого главной и определяющей в его нравственной программе, не забывает подчеркнуть и тот факт, что толстовская непоследовательность и противоречивость находит свое выражение и в данном вопросе. Плеханов отмечал, что путь, по которому «пытался идти» Толстой в своем противопоставлении внутреннего мира человека внешним условиям существования, «духа — телу», «вечного — временному» «вел в мертвую страну квиетизма. А Толстой был слишком живым человеком для того, чтобы хорошо чувствовать себя в этой стране». И «он рвался из нее назад». Но «чем более стремился он вырваться из нее, тем более запутывался он в самых безвыходных и самых мучительных противоречиях». Он не мог «оставаться в бесплодной стране квиетизма». Но как только он выходит за ее пределы, его заставляет вернуться в нее непреодолимая логика его доктрины, основанной на противопоставлениях «вечного — временному», «духа — телу»².

В другом месте, анализируя и объясняя те противоречия, к которым приводит толстовское противопоставление внутреннего мира личности внешним условиям его существования, и заявля-

ние писателя относительно невозможности внешнего воздействия на внутренний мир человека, Плеханов спрашивает: «Если никакие споры, ни обличения, ни увещания сами по себе не в силах заставить человека покаяться, то нужно ли спорить, обличать, увещать?.. У Толстого выходит, что совсем не нужно.

Но в таком случае, — продолжает Плеханов, — какой смысл имеет знаменитое «Не могу молчать!»? Какой смысл имеет та его проповедь против смертной казни, которая привлекла к нему горячие симпатии во всех странах цивилизованного мира?» И сам же отвечает: «Только тот, что, провозгласив независимость внешнего мира человека от внутреннего, он вынужден был по временам признавать эту зависимость. Только тот, что, объявив контроль сознания над бытием ненужным и невозможным, он вынужден был признавать его возможным и нужным. Другими словами — только тот, что его противопоставление «вечного» «временному» не выдерживало критики жизни и что он сам не мог по временам не отказаться от этого противопоставления»¹.

Плеханов отмечает, что при всем своем противопоставлении «внутреннего — внешнему», «духа — телу», Толстой не мог освободиться от тех глубоких, «почти физических страданий», которые производили на писателя общественное неравенство; что Толстой, как идеалист, хотя и полагал, что материальной помощью он воздействует только на тело, а не на душу крестьян и поскольку воздействие на тело, по учению Толстого, нисколько не возвеличивает человека нравственно, то такую помощь и считал нецелесообразной. Но он все-таки не мог равнодушно смотреть на эти страдания и от всего сердца хотел помочь крестьянам освободиться от них. И внутренняя трагедия его жизни в том-то и заключается, «что он должен был одинаково страдать как тогда, когда следовал явлениям «вечного», так и тогда, когда служил «временному». Ибо, замечает Плеханов, «... в первом случае он упирался в жестокость, с которой не мог помириться; во втором же — не мог найти нравственную санкцию для тех услуг, которые он оказывал людям». Поэтому «в обоих случаях он непременно должен был считать себя непоследовательным и слабым в борьбе с соблазнами. И в обоих случаях он должен был тяжело мучиться сознанием своей слабости и непоследовательности»².

Именно в этом и видит Плеханов «пафос ...жизненной трагедии» писателя. И надо заметить, что эта глубоко справедливая характеристика, данная Плехановым Толстому, полностью совпадает с тем, что писал о себе Толстой в своем дневнике от 10 июня 1907 года.

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 413.

² Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 389.

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 413.

² Там же.

Плеханов объясняет далее, что Толстой дошел до такого трагизма потому, что его «противопоставление «вечного — временному» означало разрыв нравственности с жизнью, а разрыв нравственности с жизнью вел за собой неудовлетворенность потому, что нравственность, оторванная от жизни, так же безнравственна, как и жизнь, утратившая всякое нравственное содержание».¹

Все вышесказанное дает нам основание полагать, что упреки и нарекания критиков лишены реального основания и строятся скорее на недоразумениях, нежели на соответствующих доводах и предпосылках. Но надо подчеркнуть, что при всех своих недоразумениях и недостатках, эти упреки выглядят куда бледнее по сравнению с теми, которые поступали в адрес Плеханова при характеристике метода его исследования творчества Толстого, и поэтому в заключении нам хочется остановиться и на этом вопросе.

Среди вопросов анализа и объяснения противоречивого творчества Толстого далеко не второстепенное место занимает проблема определения и объяснения причин и предпосылок **противоречий писателя**. Поэтому понятно, что ни Ленин, ни Плеханов в своем анализе и объяснении творчества Толстого не могли обойти эту проблему. И сила и значимость и ленинских, и плехановских работ о Толстом заключается не столько в самом факте обнаружения противоречий, сколько в определении причин и предпосылок этих противоречий. Ибо только этим они приобрели то огромное **методологическое значение**, которое они имеют в действительности. Ведь не секрет, что роль и значение ленинских и плехановских работ о Толстом не ограничиваются объяснением только творчества Толстого, а выходят далеко за рамки этой задачи и имеют значение общей методологии для объяснения творчества любого деятеля литературы и искусства.

Но поскольку **отысканием** причин и предпосылок толстовских противоречий одновременно занимались и Ленин, и Плеханов, несколько не повторяя друг друга, то встает вопрос о соотношении их работ в этом плане.

В. И. Ленин, касаясь вопроса причин и предпосылок толстовских противоречий, постоянно указывал на сложившиеся ко времени буржуазной революции в России общественные отношения. Для него толстовские мысли и идеи — это прежде всего отражение настроения и психологии крестьянства, главным образом периода 1861—1905 гг. «Толстой велик, — писал он, — как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции.

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 391.

Противоречия во взглядах Толстого, с этой точки зрения, — действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».¹

«Противоречия во взглядах Толстого, — писал Ленин в другом месте, — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху».²

Эта идея красной нитью проходит через все произведение Ленина о Толстом, что ясно свидетельствует о том, какое важное значение придавал он вопросу определения истоков и предпосылок толстовских противоречий.

Что же касается Плеханова, то и он в объяснении творчества Толстого первоочередной своей задачей считал необходимость выяснения причин и истоков толстовских противоречий, а не просто **количественное** определение этих противоречий у писателя.

«Я не хочу спорить с Толстым. Да мне нет «расчета» с ним спорить: у него так много противоречий, что все равно за всеми не угоняешься. Лучше определить, почему его учение так богато противоречиями».³ (Курсив наш — Р. К.). И тут же Плеханов указывает, где, по его мнению, следует искать ответ на это «почему»: «А для этого нужно понять его (Толстого — Р. К.) внутреннюю природу»⁴

Значит, в отличие от Ленина, который при объяснении причин и предпосылок толстовских противоречий ссылается, прежде всего, на социальный генезис творчества писателя, останавливается на анализе социально-экономических и политических предпосылок этих противоречий, Плеханов, по собственному его признанию, обращает свое внимание главным образом, на внутренний мир, «внутреннюю природу» писателя. То есть объяснением толстовских противоречий Плеханов занимается под углом зрения анализа **зависимости** этих противоречий от общего мирозерцания писателя, от способов и приемов его мысли. И в этом строго определенном аспекте субъективные истоки толстовских противоречий Плеханов видит в религиозно-метафизическом мирозерцании писателя.

Занявшись исследованием творчества Толстого вообще и его учения прежде всего под углом зрения именно субъективных фак-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 183.

² В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 295.

³ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 379.

⁴ Там же.

торов его, первое, на что указывает Плеханов, — это метафизический идеализм Толстого. По глубокому убеждению Плеханова, толстовские противоречия представляют собою естественное следствие тех недостатков, которые присущи религиозно-идеалистическому метафизическому мышлению писателя. Поскольку идеализм и метафизика и как результат познания, и как средство, метод познания, и как вид, форма общего мирозерцания представляют собою антиисторический подход к действительности, они мешают правильно понять и объяснить события жизни. А так как по общеполитическому своему мирозерцанию и Толстой относится к лагерю метафизических идеалистов, то естественно, что это обстоятельство во многом помешало ему правильно понять оценить и объяснить задачи своего времени. И прав был Плеханов, заявляя, что «отличительная черта этого мирозерцания состоит в том, что человек, которому оно свойственно, совсем не умеет взглянуть на жизнь и нужды окружающего его общества с исторической точки зрения и потому оказывается решительно неспособным понять исторические задачи своего времени».¹ При этом Плеханов указывал и на то, что Толстой в плане философского мировосприятия не отличался своей последовательностью, что, несмотря на религиозно-идеалистический характер общеполитического его мирозерцания в целом, у него нередко проявляются и элементы стихийно-материалистического восприятия явлений окружающего мира, что ставило писателя в явное противоречие с самим собою. Плеханов, говоря, что по приемам мысли Толстой не только идеалист, но и чистокровный метафизик, тут же спешит внести существенную поправку в эту характеристику: «Прошу заметить, что я говорю о приемах его мысли, а не о приемах его творчества. Приемы его творчества были совершенно чужды указанного недостатка, и он сам смеялся над ним, встречая его у других художников».²

Плеханов анализирует и объясняет, каким образом идеалистическое понимание соотношения бытия и сознания приводит Толстого к противопоставлению «вечного — временному», «духа — телу», «внешнего — внутреннему», и каким образом все это составило теоретическую основу «толстовства», как он, исходя именно из этого противопоставления, оправдывал свою проповедь о «непротивлении злу насилием», свое требование в целях ликвидации общественного зла — заниматься исключительно «нравственным самоусовершенствованием».

Плеханов указывает, что Толстой, благодаря метафизичности приемов мысли, абсолютизирует такие относительные понятия, как «добро» и «зло», и эта абсолютизация прямой дорогой вела

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 363—364.

² Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 398.

писателя к проповеди «непротивления злу насилием», к утверждению, что насилие в любой форме своего проявления, независимо от обстоятельств, места и времени, есть зло, а злом уничтожать зло, также бессмысленно, как бессмысленно, например, «огнем тушить огонь, водой сушить воду».

Идеалистическое же решение вопроса отношения сознания к бытию ведет Толстого к противопоставлению «вечного — временному», — «духа — телу», «внешнего — внутреннему», Толстой это противопоставление доводит до того предела, за которым исключаются всякие возможности внешнего воздействия на внутренний мир личности. А так как единственным средством ликвидации зла писатель считал нравственно-духовное исправление, которое не допускает внешнего воздействия, то оставалось проповедовать принцип нравственного самоусовершенствования. Плеханов справедливо подметил, что Толстой, с одной стороны, абсолютно исключает всякую возможность внешнего воздействия на внутренний мир личности, с другой стороны, своей проповедью нравственного самоусовершенствования он все-таки пытается как-то образом воздействовать на этот неприкосновенный мир.

«Излишне прибавлять, — пишет Плеханов, — что только идеалист мог, подобно Толстому, оставаться искренним в таком стремлении к справедливости, которое само было несправедливым по своему существу», что «только идеализм» может позволять «рассматривать требования нравственности как нечто независимое от существующих в данном обществе конкретных отношений между людьми. У графа же Толстого, вследствие свойственной ему «абсолютной последовательности» метафизика, этот обычный недостаток идеализма дошел до последней крайности, выразившись в решительном противопоставлении «вечного — временному», «духа — телу».¹

Уже одно наличие метафизичности приемов мысли в учении Толстого и их отсутствие в его художественных произведениях Плеханов считал вполне достаточным основанием для противопоставления Толстого-мыслителя Толстому-художнику. Ибо наличие или отсутствие этих элементов в творческой деятельности писателя прямо или косвенно определяют наличие или отсутствие исторического взгляда на анализируемые им явления жизни и представляют собой определяющий принцип в оценке деятельности в области общественных дисциплин.

Отсюда, в свою очередь, и борьба за творческое наследие писателя. Плеханов и в этом вопросе далек от мысли слепо преклоняться перед всем тем, что выходило из-под пера Толстого. Плеханов считал необходимым вести борьбу за творческое насле-

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 407.

дие писателя не во всем его объеме, а только в том, в котором оно составляет действительное завоевание человеческой культуры. Он считает необходимым вести борьбу за унаследование пролетариатом тех сторон творческой деятельности Толстого, которые способствовали и помогали освобождению трудящихся масс от векового рабства и нищеты, подняли человеческую культуру на новую ступень. А таковым Толстой был, прежде всего, там, где он выступал как художник, а не как учитель жизни, что постоянно и подчеркивалось Плехановым. Даже сам факт появления Толстого как художника именно на русской земле вызывал чувство законной гордости у Плеханова за свой народ, за свою родину, предвещал ему «ручательство за лучшее будущее» этой страны. И чем больше восхищался критик художественным талантом Толстого, тем больше он горевал по поводу его слабых сторон и тем более он был суров и неумолим относительно критики этих его недостатков.

«Что автор «Войны и мира» есть великий писатель русской земли, что русская земля имеет право гордиться им и обязана любить его; что самый факт появления в нашей многострадальной России таких писателей служит нам одним из ручательств за ее лучшее будущее, — все это так, все это верно, все это неоспоримо. Но великий писатель русской земли велик как художник, а вовсе не как сектант. Его сектантство свидетельствует не об его величии, а об его слабости, то есть о крайней ограниченности его общественных взглядов. И чем больше мы любим и чтим великого художника, тем прискорбнее для нас его сектантские заблуждения».¹

«Просто любят» его (Толстого — Р. К.) (с большей или меньшей степенью искренности и интенсивности) идеологи высших классов, — пишет Плеханов в другом месте, — то есть те, которые сами готовы удовольствоваться отрицательной нравственностью и которые, не имея широких общественных интересов, стремятся наполнить свою душевную пустоту разными религиозными исканиями. А ... сознательные представители трудящегося населения... ценят в Толстом такого писателя, который хотя и не понял борьбы за переустройство общественных отношений... глубоко почувствовал, однако, неудовлетворительность нынешнего общественного строя. А главное—они ценят в нем такого писателя, который воспользовался своим огромным художественным талантом, для того, чтобы наглядно... изобразить эту неудовлетворительность».²

Хотя в такой оценке творчества Толстого Плехановым наши критики и «обнаруживают» противоречие между этой оценкой

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 361—362.

² Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 2, стр. 377.

Плеханова и ленинской оценкой творчества Толстого, нам все же думается, что в данном случае Плеханов идет в ногу с Лениным, который, высоко ценя писателя за «срывание всех и всяческих масок» с защитников существующего строя, решительно осудил его учение в словах: «...в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдывания или смятения его «непротивленства», его апелляции к «духу», его призывов к «нравственному самосовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред».¹

Итак, приведенный выше материал свидетельствует о том, что при характеристике и объяснении причин и предпосылок кричащих толстовских противоречий Ленин обращает внимание прежде всего на объективные источники и факторы творчества писателя, рассматривая толстовские противоречия как отражение тех сложных противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и слоев русского общества того времени. По мнению Ленина, как сильные, так и слабые стороны творчества Толстого объясняются двойственной психологией русского патриархального крестьянина, которого «вся прошлая жизнь научила» ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать «избавление от них, как расправиться с этими кровопийцами, как избавиться ему от ненавистных социальных порядков». По Ленину, сильные стороны творчества Толстого представляют собою отражение накипевшей у крестьянина ненависти к своему барину, созревшему у него стремления к лучшему, желания его избавиться от прещлого; слабые же стороны его—это отражение «незрелости мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости» того же крестьянина. «Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось» для Ленина в «учении Толстого».

Что касается Плеханова, то он, в отличие от Ленина, занялся исследованием причин и предпосылок толстовских противоречий в аспекте субъективных их истоков и факторов. В своих статьях о Толстом Плеханов задается, главным образом, целью определить, в какой мере толстовские противоречия объяснимы «внутренним миром» писателя, в какой степени они зависели от общего миро-созерцания писателя, в какой мере они представляют собой результат религиозно-идеалистического, метафизического мышления Толстого. И Плеханов блестяще справился со своей задачей.

Все сказанное выше дает основание сделать вывод, что работы Ленина и Плеханова о Толстом взаимно дополняют и обогащают друг друга.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 33.

Однако, поскольку в нашей литературе все более утверждается противопоставление ленинского и плехановского исходных пунктов исследования творческого наследия писателя, то в заключение нам хочется подробнее остановиться на этом вопросе.

М. Розенталь в вышеупомянутой книге пишет: «Противоположность ленинской и плехановской оценки значения Толстого, противоположность их методов анализа его учения и художественного творчества, противоположность исходных пунктов и конечных выводов их статей очевидна для всякого непредубежденного читателя».¹ Где же аргументы? Оказывается, вот где: «Плеханов писал,—заявляет Розенталь,— что Толстой никакого отношения к революции не имел, Ленин называл Толстого «зеркалом русской революции».

Уже одного этого достаточно, чтобы достойно оценить суждения тех неудачливых теоретиков, которые вопреки фактам утверждают, что между Плехановым и Лениным в оценке Толстого нет никакого различия».² Несостоятельность этого аргумента мы попытались доказать выше, в связи с вопросом отношения Толстого к русской революции.

Однако поскольку ложность аргументов доказательства еще не говорит о ложности самого тезиса, то мы и поговорим о самом тезисе Розенталя.

Данный тезис Розенталя может оказаться истинным в двух случаях: во-первых, если бы он смог доказать, что и Ленин, и Плеханов, каждый в отдельности, считали единственно верным и достаточным в анализе и объяснении всей сложности противоречивого толстовского творчества только свой исходный пункт и свой метод исследования, если бы каждый из них односторонне абсолютизировал аспект своего исследования; и, во-вторых, если бы он смог доказать, что один из этих деятелей в своих статьях о Толстом дал исчерпывающее объяснение творчеству писателя, а другой встал на путь ложного объяснения этого творчества. Розенталь понял необходимость постановки вопроса именно в таком плане, и, как свидетельствует об этом вся его работа, он пытается как раз доказать, что Ленин дал исчерпывающее объяснение противоречивому творчеству писателя, а Плеханов, вследствие своих меньшевистских ошибок встал на путь извращения действительной сущности творчества Толстого.

Однако, Розенталь не справился со своей задачей, так как пытается доказать недоказуемое.

Чтобы яснее представить существо вопроса и его решение

¹ М. Розенталь. Вопросы эстетики Плеханова, стр. 109.

² Там же.

Лениным и Плехановым, вернемся опять-таки к анализу взаимоотношений Ленина и Плеханова относительно исходных пунктов и методов анализа творчества Толстого. Частично об этом вопросе мы уже говорили выше. Поэтому здесь мы ограничимся анализом их взаимоотношений в общеметодологическом плане. Как мы уже отмечали, Ленин в своих исследованиях творчества Толстого главным образом останавливался на анализе объективных истоков и факторов творчества писателя. Встает вопрос: каково же отношение Плеханова к вопросу о том, что творчество Толстого представляет собою отражение той сложной и противоречивой психологии и настроения, которые складывались у различных классов и слоев русского общества эпохи Толстого? Как себе представлял Плеханов вопрос относительно объективных факторов и предпосылок творчества писателя? Понимал и помнил ли он тот факт, что творчество Толстого есть отражение окружающей его общественной среды, общественных отношений, или нет?

Несомненно, что неплохо понявший и овладевший основными установками исторического материализма Маркса и Энгельса относительно закономерностей развития общественного и индивидуального сознания Плеханов не мог не знать и не помнить, какое имеют значение для творчества Толстого окружающие его общественные отношения людей, их психология, чувства, мысли, стремления и намерения. Доказывать, будто при анализе творчества Толстого Плеханов не принимал во внимание объективные истоки и факторы творчества великого художника, равносильно утверждению, что Плеханов или вообще не понимал, что искусство (в том числе и литература) есть отражение и выражение прежде всего общественной жизни, реальных общественных отношений людей, их психологии, стремлений и намерений, или же он ставил перед собой задачу сознательного извращения существа творчества Толстого. А между тем ни то, ни другое не соответствует действительности. Напротив, справедливее было бы упрекать (если только в этом можно упрекнуть человека) Плеханова в чрезмерном, постоянном подчеркивании того обстоятельства, «что искусство — равно как и литература—есть отражение жизни»,¹ о чем Плеханов пишет чуть ли не в каждом труде по искусству и эстетике и что достаточно наглядно и убедительно доказывается им с использованием огромного фактического материала как из жизни первобытного искусства, так и из жизни нового времени. Достаточно взглянуть в этом отношении на такие произведения Плеханова, как «Письма без адреса», «Искусство и общественная жизнь», «Французская драматическая литература и французская живопись

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 1, стр. 99.

XVIII века с точки зрения социологии» и т. д., чтобы убедиться в истинности этого тезиса. В то же время Плеханов не раз подчеркивал и то, что «сказать, что искусство — равно как и литература — есть отражение жизни, значит высказать хотя и верную, но все-таки еще очень неопределенную мысль. Чтобы понять, **каким образом** (курсив Плеханова—Р. К.) искусство отражает жизнь, надо понять механизм этой последней. А у цивилизованных народов борьба классов составляет в этом механизме одну из самых важных пружин. И только рассмотрев эту пружину, только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многообразные перипетии, мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить себе **«духовную» историю цивилизованного общества»**.¹

При этом Плеханов специально подчеркивал, что этот сложный механизм общественной жизни с такой важной ее пружиной, какой является борьба классов, в литературе и искусстве находит свое отражение через воспроизведение психологии общественных классов, сословий и групп людей.

«Нет ни одного исторического факта, который своим происхождением не был бы обязан общественной экономии; но не менее верно и то, что нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания. Отсюда—огромная важность общественной психологии. Если с нею необходимо считаться уже в истории права и политических учреждений, то без нее нельзя сделать ни шагу в истории литературы, искусства, философии и проч.»² (Курсив наш — Р. К.).

На то, какое важное значение придавал Плеханов психологии людей в деле развития литературы и искусства, кроме всего остального, указывает и то место, которое отводит ей он в известной своей «пятичленке». Расставляя по определенному порядку составные части и элементы «знаменитого... «основания» к... «надстройке», он пишет:

- 1) **Состояние производительных сил;**
- 2) **Обусловленные им экономические отношения;**
- 3) **Социально-политический строй, выросший на данной экономической «основе»;**
- 4) **Определяемая частью непосредственно экономической, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека;**
- 5) **Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики»**.³

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика», т. 1, стр. 99.

² Г. В. Плеханов. Изб. фил. пр. т. 2, стр. 247—248.

³ Г. В. Плеханов. Изб. фил. пр. т. 3, стр. 179—180.

Отсюда ясно, что Плеханов вполне определенно представлял, какую роль играет для понимания существа творчества художника психология отражаемых в его произведениях людей. Но если кому-то сказанное покажется недостаточным, то его мы отсылаем прямо к произведению Плеханова «Французская драматическая литература и французская живопись XVIII в. с точки зрения социологии», где со всей ясностью вскрыта точка зрения нашего автора на анализируемый здесь вопрос. И что недвусмысленно доказывает истинность того обстоятельства, что в деле анализа сущности творческого наследия художника Плеханов не мог пренебрегать объективными предпосылками и факторами этого творчества и прежде всего такими из них, какими являются классовые взаимоотношения людей и их психология. Тем более, если речь идет о творчестве такого великого реалиста, каким является Толстой. И он не замедлил при первой же возможности указать на эти обстоятельства. В первой же своей статье, посвященной Толстому, он пишет:

«В день юбилея Толстого нужно было не книксены делать перед приговорами, произносимыми им под влиянием, овладевшей им и, по-видимому, совершенно неизлечимой—болезни, а предложить читателю подумать о том, какими общественными условиями вызвана была эта болезнь у двух «великих писателей русской земли», к которым нужно причислить еще страдавшего тем же недугом Достоевского. На эту тему можно было бы написать несколько вполне правдивых и весьма поучительных страниц, которые способствовали бы прояснению нашего общественного сознания, между тем как книксены, которые предпочла наша оппозиционная печать, явились фактором, способствующим его **затемнению**».¹ Отсюда ясно, что Плеханов, желая определить причины внутренней духовной драмы не только Толстого, но и Гоголя, и Достоевского, прежде всего ссылается именно, на объективно складывающиеся общественные отношения. Подчеркивая закономерный характер тех безвыходных и мучительных противоречий, в которых запутался великий писатель, Плеханов также писал, что «он не сам опустошил свою душу», а «ее опустошила окружающая его обстановка». Самую глубокую причину той болезни, благодаря которой и Гоголь, и Достоевский, и Толстой, жадно ища «живого духа... нашли только мертвую букву и во имя мертвой буквы осудили современные им освободительные течения», Плеханов усматривает в мучительном переходном состоянии для России. Для Плеханова самая главная причина внутреннего трагизма и Гоголя, и Достоевского, и Толстого заключается в том, что они глубоко почувствовали кризис старого порядка русской жизни, но не смогли

¹ Г. В. Плеханов. Сб. «Литература и эстетика» т. 2, стр. 363.

понять, что этот кризис знаменует собой именно смену крепостнического уклада новым, буржуазным.

Плеханов здесь ограничился этими общими указаниями, тогда как субъективной стороне толстовских противоречий он дал действительно исчерпывающее объяснение. Однако, это объясняется не тем, что Плеханов недооценивал роль первых и превозносил роль вторых факторов. В своей первой работе о Толстом Плеханов остановился, главным образом, на исследовании субъективных факторов и источников толстовских противоречий. Что же касается последующих его работ о Толстом, то в них Плеханов не возвращался к вопросу исследования объективных факторов творчества Толстого просто потому, что, прежде чем появилась очередная его статья, В. И. Ленин опубликовал известную свою работу «Лев Толстой как зеркало русской революции», где он дает исчерпывающее объяснение творчеству Толстого с точки зрения объективных его источников. Вполне понятно, что поскольку ко времени появления очередной работы Плеханова о Толстом данная задача была уже решена, она больше не привлекла внимания Плеханова. Плеханов мог бы вернуться к этому вопросу только в том случае, если бы он в чем-то расходился с Лениным. Но этого не случилось, и одно это может служить доказательством совпадения мнений Ленина и Плеханова относительно приводимых Лениным объективных факторов противоречий Толстого. То же самое можно сказать об отношении Ленина к приводимым, в свою очередь, Плехановым субъективным факторам и предпосылкам развития противоречий Толстого. Несмотря на свое доскональное знакомство с работами Плеханова, Ленин не оставил никаких замечаний, доказывающих его расхождение с Плехановым в объяснении творчества Толстого.

Зная, что вопросами объективных источников творчества Толстого занимается Ленин, Плеханов выбирает объектом исследования именно субъективную сторону его творчества. Не отрицая огромного значения отмеченных Лениным объективных факторов формирования творчества Толстого, Плеханов ясно представлял себе и тот факт, что наблюдаемые художником внешние явления обязательно подвергаются творческой переработке в его сознании. Поэтому Плеханов задается целью объяснить: **какое и почему именно такое** отражение получили в сознании Толстого наблюдаемые им объективные явления жизни?

Правомерна ли такая постановка вопроса? Если нет, то почему? А если да, то какое общеметодологическое значение она имеет? Ответ на эти вопросы упирается в проблему теории отражения и потому на основных установках этой проблемы здесь следует остановиться.

Современной ступенью развития науки установлено, что отра-

жение зависит как от отражаемого, так и от отражающего, как от объекта отражения, так и от субъекта его. Объект отражается в субъекте через внутренние его свойства, как бы через внутреннее его освоение. Причем, эта закономерность является общей для всех видов отражения; отсюда, образно говоря, элемент «субъективности» содержится во всяком отражении. В то же время следует иметь в виду, что формы этой «субъективности», виды и степень ее в любом конкретном случае имеют свои специфические особенности. Так, например, отражение в человеческой голове явлений объективной действительности коренным образом отличается от всех остальных видов и форм отражения, как специфически человеческое отражение, хотя бы тем, что оно есть именно субъективный образ объективного мира. Сущность этой специфики заключается в зависимости **отражения** от наших органов чувств, нервной системы, головного мозга, от наших возможностей и способностей отражения действительности. В этом смысле отражение и индивидуально, и субъективно. Но и это еще не все. Степень субъективности в отражении зависит и от формы отражения. Так, например, элемент субъективности, хотя и содержится во всяком виде отражения, но возможности и правомочность ее допущения нигде не имеют столь высокой степени, как это допустимо в искусстве. Искусство по своему своему характеру допускает в большей мере отклонение в сторону субъективности восприятия, нежели любой другой вид отражения. Причем, если степень этого отклонения от отражаемого объекта во всех остальных формах познания действительности свидетельствует о недостатках в наших знаниях, то этого так прямо нельзя утверждать относительно искусства. Здесь не в абсолютном, а в относительном смысле и в рамках допустимого «искажение» действительности может характеризоваться даже не как недостаток, а скорее как успех, как достижение. Конечно, это отклонение от оригинала, его «искажение» не может идти куда угодно и как угодно, как заблагорассудится самому художнику, а имеет, в свою очередь, свои строго определенные рамки и закономерности. Но это уже другая сторона вопроса.

Элементы субъективности в искусстве главным образом проявляются в отношениях художника к изображаемому объекту, в определенной творческой переработке художником объекта изображения. Каждый великий художник создает свой особый, неповторимый стиль, имеет свои неповторимые особенности воспроизведения действительности.

Сказанное здесь не означает, что сила, мощь и талант художника будут определяться степенью его отхода от действительности в сторону его субъективного произвола и капризов. Требование верного отражения действительности одинаково применимо и к большому, и к маленькому художнику, и к науке, и к искусству.

Фальшь, ложь и лицемерие в этом отношении недопустимы ни в науке, ни в искусстве. Но, в отличие от науки, искусство все-таки допускает «ложь», хотя и особого порядка. Его верность действительности заключается не в простом ее воспроизведении до мельчайших подробностей и не в слепом следовании за ней всегда и во всем. Ибо искусство не тень действительности, а скорее двойник ее, и потому от него требуется верность ее отражения только в основном и главном. А именно, от искусства мы можем требовать верности объективной действительности только в смысле правильного схватывания и отражения основных особенностей и тенденций развития изображаемого объекта. Настоящий художник в искусстве от простых натуралистов отличается тем, что, если в своих творениях вторые стараются воспроизвести действительность во всех ее подробностях вплоть до мелочей, то первый, наоборот, всегда стремится схватить в изображаемом именно такие стороны и моменты, при помощи художественной обработки которых можно было бы выразить наиболее наглядно и убедительно существо изображаемого.

При этом собственное «Я» художника наиболее ярко и заметно проявляется там, где ему приходится анализировать и осмысливать события жизни, выражать свое отношение к изображаемым явлениям действительности. И каким бы ни был художник реалистом, если он действительно художник в подлинном смысле этого слова, а не голый публицист, его верность действительности никогда не будет летописной точностью. Напротив, изображение таким художником явлений жизни, проходя через призму его сознания и подвергаясь здесь фильтрующей его деятельности, обязательно приобретает некоторую личную окраску. Мера же этого «окрашения» зависит от многих обстоятельств, среди которых вопрос совпадения или несовпадения воззрений художника с ходом развития объективной действительности имеет первостепенное значение. Так, если субъективное у художника совпадает с объективным, то он более последователен в своей верности объективной действительности. Но, если мысли и соображения художника идут вразрез с объективной действительностью, то его творчество неизбежно содержит в себе противоречие между ходом объективного развития и неправильным субъективным его истолкованием, между действительной сущностью изображаемого объекта и субъективным ее осмыслением и оценкой. При этом цепь переплетений противоречий, их взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность носит особо сложный характер. Она определяется тем, что в творчестве такого писателя находят свое выражение и сами по себе объективно существующие противоречия, и противоречия его личной мысли, и противоречия, возникшие вследствие взаимодействия и взаимопроникновения этих внешних и внутренних противоречий.

Лев Николаевич Толстой относится именно к такого рода художникам. В результате его верности объективной действительности в творчестве Толстого нашли свое выражение объективно существовавшие противоречия в сознании и психологии рисуемых им социальных классов и слоев России. В то же время в формировании противоречивого характера творчества писателя немаловажную роль сыграли слабости его личной мысли, недостатки, присущие его религиозно-идеалистическому, метафизическому мирозерцанию в целом. Изображаемые им стороны и события жизни вследствие объективно действующих закономерностей отражения действительности в искусстве, и тем более вследствие несоответствия личных мыслей и соображений Толстого с ходом объективного развития не могли не испытать на себе влияния творческого гения художника. Именно поэтому для понимания сложного и противоречивого творчества Толстого в равной мере необходимо исследование как объективных, так и субъективных его факторов, источников.

Возьмем хотя бы рассуждения Толстого относительно непритворения злу насильем, его идеи о нравственном самоусовершенствовании как о единственном средстве перестройки всего общественного уклада. Безусловно, они, как указывал Ленин, в главном и основном определяются «незрелостью мечтательности, политической невоспитанностью, революционной мягкотелостью патриархального русского крестьянина периода с 1861 по 1905 гг., выражают именно его отчаяние перед новыми ужасами, на которые обрекали крестьянство капитализм и власть денег». Но вопрос в том, и заключается: почему этот «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик» обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из него, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю? Почему Толстой не поднялся выше воззрений наивного крестьянина? Ведь в стране было немало и таких интеллигентов, которые, отражая интересы того же крестьянства, все-таки поднялись выше его воззрений, давая ему правильные рецепты для его спасения.

Почему Толстой не пошел за ними? Ведь они неоднократно указывали на те действенные средства и способы воздействия, которые могли бы принести крестьянину избавление от новых ужасов жизни. Только потому, что Толстому был чужд тот способ конкретно-исторического подхода к явлениям общественной жизни, которым руководствовались они в своей и творческой, и практической деятельности.

И вина, и беда Толстого в данном случае в том и заключались, что метафизичность приемов его мысли закрывала ему все дороги к историческому подходу к анализируемым проблемам.

Именно идеалистический антиисторизм, которым были проникнуты рассуждения Толстого относительно общественных задач того времени, помешал ему правильно понять сущность как русской революции вообще, так и русского рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, в частности. О важной роли антиисторизма в определении толстовских противоречий Ленин писал: «Справедливо, что если не «единственно важным», то важнейшим с точки зрения ближайших задач всей общественно-политической деятельности в России для периода 1861—1905 годов (да и для нашего времени) был вопрос, «как уложится» этот строй, буржуазный строй, принимающий весьма разнообразные формы в «Англии», Германии, Америке, Франции и т. д. Но для Толстого такая определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («переворотившегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов».¹ (Курсив наш—Р. К.)

В другом месте Ленин указывал: «Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли».² Значит, Ленин не исключал факта наличия противоречий и в личной мысли писателя, не все сводил в объяснении противоречий Толстого к одним внешним факторам, а признавал и роль субъективных элементов в формировании толстовских противоречий. И Лениным меньше разработана эта сторона вопроса не потому, что он ею пренебрегал, а просто по той же причине, по которой Плеханов считал необходимым не останавливаться на объективных факторах толстовских противоречий. То есть, Ленин не останавливается на этой стороне вопроса просто потому, что она досканально исследовалась Плехановым, повторять которого он считал излишним. Но, чтобы продолжать свои доводы относительно необходимости исследования «внутренней природы» писателя для характеристики и определения присущих ему противоречий, нам хочется остановиться на его рассуждениях о смысле, цели и назначении жизни.

Известно, что в зависимости от характера общего мирозерцания личности раздумья над явлениями жизни у различных индивидуумов вызывают различные ощущения. Так, например, мысль о прекращении жизни, т. е. о смерти, у одних вызывает чувство страха, а у других—нет. Есть «люди, не видящие ничего особенно страшного в том, что им со временем придется совершенно слиться с природой, окончательно раствориться в ней». К такого рода личностям относятся, например, Шелли, писавший по поводу смерти Китса, что «он объединился с природой»; Фейербах, уверявший

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 30.

² В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 235.

людей: «Не страшись смерти. Ты будешь на родине, в знакомой стране, которая, любя, охватит тебя»; и др.

Куда же вели размышления Толстого над наблюдаемыми явлениями жизни? Какие они в нем вызывали чувства? Какие порождали в нем мысли и идеи?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо твердо помнить, что Толстой не голый публицист, а прежде всего деятель искусства, и как писатель он выступал не как сухой мыслитель, а как человек живых чувств, человек эстетических настроений и этических переживаний. А потому, где бы ни выступал он, везде у него дают о себе знать эти факторы. Сыграли они свою роль и в его попытках объяснения сущности, смысла, цели и назначения человеческой жизни.

Толстой очень любил красоту окружающей его природы, и прежде всего те стороны этой природы, которые напоминали ему жизнь. Он любил их постольку, поскольку вид любой красивой панорамы природы вызывал в нем, по его собственному признанию, чувство любви, любви ко всему хорошему и, прежде всего, к самой жизни. Но чем больше любил он жизнь, чем больше пытался наслаждаться ею, тем больше эти сладкие чувства его омрачались мыслью о смерти, о том, что и ему придется когда-нибудь покинуть этот мир, расстаться с жизнью. Сам Толстой о своей любимой красивой кларанской природе писал, что при виде ее «тотчас же мне хотелось любить. Я даже чувствовал в себе любовь к себе и жалел о прошедшем, надеялся на будущее, и жить мне становилось радостно, хотелось жить долго, долго, и мысль о смерти получала детский, поэтический ужас».¹

И прав был Плеханов, заявляя, «что это чувство сыграло очень большую роль в процессе выработки тех взглядов, совокупность которых составляет так называемое в разговорном языке толстовство».²

Действительно, чем больше он задумывался над этими вопросами, вопросами жизни и смерти, тем больше убеждался в необходимости противопоставления «души—телу», «вечного—временному». Толстой рассуждал так: жизнь — она вещь красивая, сладкая и приятная. Но если эта красота и сладость для каждого конкретного случая носит только временный характер, если нет личного бессмертия, то какой смысл, какую цену имеет она, кому она нужна — эта, появившаяся только на миг сладость и наслаждение, называемая жизнью, которую в состоянии омрачить даже одна мысль о смерти, мысль о том, что все это действительно временно и преходяще. Подобные минуты тяжелых раздумий приводили его в уныние и недоумение. «Среди моих мыслей о хозяйст-

¹ Цитата взята у Плеханова: «Толстой и природа».

² Там же.

не... мне вдруг приходил в голову вопрос,—писал Толстой в «Исповеди», — «Ну, хорошо, у тебя будет 6000 десятин в Симбирской губернии, 300 голов лошадей, а потом?..» И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитываю детей, я говорил себе: «Зачем?» Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: «А мне что за дело?». Или, думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: «Ну, хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире,—ну, и что ж!...» И я ничего не мог ответить».

Поставив перед собой задачу объяснения смысла и цели жизни и не находя разумного ее решения применительно к временной земной жизни, Толстой ищет это решение в религии, в боге.

В минуты тяжелых раздумий над смыслом жизни Толстому приходило на помощь с детских лет внушенное ему сектантское мирозерцание. Вот что говорит сам Толстой о том, какие чувства и мысли возвращались к нему в те тяжелые минуты душевных страданий, когда рассудок его был занят вопросами о цели и назначении жизни:

«И странно, та сила жизни, которая возвратилась ко мне, была не новая а самая старая,—та самая, которая влекла меня на первых порах моей жизни. Я вернулся во всем к самому прежнему, детскому и юношескому. Я вернулся к вере в ту волю, которая произвела меня и чего-то хочет от меня; я вернулся к тому, что главная и единственная цель моей жизни есть то, чтобы быть лучше, то есть жить согласнее с этой волей, я вернулся к тому, что выражение этой воли я могу найти в том, что в скрывающейся от меня дали выработало все человечество, то есть я вернулся к вере в бога, в нравственное совершенствование и в предание, передававшее смысл жизни. Только та и была разница, что тогда все это было принято бессознательно, а теперь же я знал, что без этого я не могу жить».¹

Итак, жизнь представлялась Толстому возможной только тогда, когда он становился на теологическую точку зрения. «Знать бога и жить — одно и то же. Бог есть жизнь». В этой вере в бога видит Толстой смысл, цель и назначение жизни. Она привела Толстого и к противопоставлению «вечного—временному», «духа — телу».

«Я пришел ведь к вере потому,—пишет Толстой в своей «Исповеди», — что помимо веры я ничего, наверное, ничего, не нашел,

¹ Л. Н. Толстой. Исповедь, изд. Парамонова, стр. 49.

кроме погибели».¹ Иначе говоря, по Толстому, если нет личного бессмертия, если всякое единичное и конкретное конечно и смертно, то в чем же смысл жизни, цель и назначение ее? Ведь всякое смертное и конечное недостойно слез и сожалений, недостойно великого имени «жизнь», и если в мире нет ничего бессмертного, вечного, непреходящего, тогда разве стоит жить? И не лучше ли было бы в таком случае вообще не родиться? И Толстой находит выход из этого, казалось бы, безвыходного положения в вере в бога как в существо вечное и непреходящее, чья воля и есть, по Толстому, жизнь на земле. «Жизнь мира совершается по чьей-то воле — кто-то эту жизнь всего мира и нашими жизнями делает свое какое-то дело. Чтобы иметь надежду понять смысл этой воли, надо прежде всего исполнить ее, и делать то, чего от нас хотят. А если я не буду делать того, чего хотят от меня, то и не пойму никогда того, чего хотят от меня, а уж тем менее, чего хотят от всех нас и от всего мира».²

И далее: «Ведь я не живу, когда теряю веру в существование бога, ведь я бы уж давно убил себя, если бы у меня не было смутной надежды найти его. Ведь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую его и ищу его. Так чего же я ищу еще?,—воскликнул во мне голос.—Так вот он. Он то, без чего нельзя жить. Знать бога и жить — одно и то же. Бог есть жизнь».³

Спрашивается, способствовало ли такое сектантское мирозерцание Толстого в объяснении смысла жизни полному противопоставлению им «вечного»—«временному» или нет? Вело ли оно к точке зрения признания полной независимости внутреннего мира от внешнего или нет? Да, вело. И не только вело, но и составило основу всех его противоречий. Рассуждения эти составили теоретическую основу толстовских призывов к непротивлению злу насилием, его проповеди нравственного самоусовершенствования, а отсюда и его осуждение русского освободительного движения.

И все это показано в работах Плеханова о Толстом. Они ясно свидетельствуют о том, что задача всестороннего научного объяснения творческого наследия Толстого может идти успешно только в том случае, если мы поймем тот факт, что противоречивое творчество великого писателя в равной мере зависит как от внешних факторов его развития, так и от внутренних импульсов его движения, как от социальных факторов, так и от субъективных особенностей писателя, от специфики его внутренней природы. А потому при анализе и оценке творческого наследия Толстого в равной мере следует руководствоваться как работами Ленина, так и работами Плеханова, ибо они представляют органическое единство и выступают

¹ Л. Н. Толстой. Исповедь, изд. Парамонова, стр. 55.

² Там же, стр. 45.

³ Там же, стр. 48.

во всем своем блеске и значении только при таком подходе к ним. При всяком же ином подходе к ним работы как Ленина, так и Плеханова могут выглядеть несколько односторонними и однобокими, так как они в отдельности не дадут тех знаний, которые необходимы для всестороннего анализа и осмысления сложного, противоречивого творчества Толстого.

Необходимость изучения данных работ именно в единстве, а не в их противопоставлении в еще большей мере встает перед нами тогда, когда мы подходим к ним с точки зрения содержащегося в них общеметодологического значения. В этом плане тем более ничто не может оправдать господствующего ныне необоснованного их противопоставления. Нам думается, пора отказаться от этой ложной позиции и восстановить работы Плеханова о Толстом в своих правах, и чем скорее мы это сделаем, тем лучше будет и для изучения Толстого, и для изучения Плеханова, и, тем более, для нашей эстетической и литературоведческой науки.

109. 3152

Р6

Отт

3152
(Инв. кн. №2)